

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 24

1981

Юрий ПРОКУШЕВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ВЕЧНЫЙ ЖАНР

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 24

Юрий ПРОКУШЕВ

ВЕЧНЫЙ ЖАНР

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Юрий ПРОКУШЕВ

Юрий Львович Прокушев — известный критик и литературовед, член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, автор книг о Сергее Есенине («Юность Есенина», «Сергей Есенин», «Сергей Есенин. Поэт. Человек», «Есенин, какой он был», «Сергей Есенин. Поиски и находки», «Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха» и др.), «Поэзия Октября», «Владимир Маяковский», «Подвиг Пушкина», «Судьба поэта», «Россия — моя поэзия», «Вечный образ», «Время, поэзия, критика», «Мир художника». Им созданы сценарии документально-художественного фильма «Сергей Есенин», широкоформатного фильма «Разговор с товарищем Лениным», документально-публицистических фильмов «Народная, священная», «Его имя бессмертно», «Во весь голос», телефильма «Тебе, о родина, сложил я песню ту», радиокниги «Жизнь Сергея Есенина» и др.

Ю. Прокушев — автор статей о творчестве современных советских писателей: Александра Твардовского, Александра Прокофьева, Леонида Мартынова, Ярослава Смелякова, Сергея Васильева, Василия Федорова, Ювана Шесталова, Егора Исаева, Леонида Леонова и других.

ОТ АВТОРА

*Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и, значит, я не прах,
И смертное меня не тронет тленье.*

Микеланджело

Подобно живой жизни, поэзия вечно в неустанном движении к идеалу добра и красоты, в постоянном нравственном поиске. Поэзия истинной гражданственности и социальной справедливости возвышает человека. Она мудра — как жизнь народа; бессмертна — как история рода человеческого. Все это проявляет себя с особой полнотой и дерзостью в вершинном жанре — поэме.

Поэма, особенно эпическая, явно состоявшаяся, несущая в себе мудрость, красоту народных характеров, становится принципиально знаменательной вехой творческого пути художника.

Еще значительнее, пожалуй, то обстоятельство, что каждая подлинная поэма — это всегда открытие нравственных глубин народной души, новых граней исторического прошлого и настоящего.

В поэмах как бы сконденсированы само время, сама эпоха.

Еще могучий кристалл поэзии историческое время возникает перед нами в яви, словно живое, настоящее в «Слове о полку Игореве» и русском былинном эпосе, в «Задонщине», в поэмах Пушкина, Лермонтова, Некрасова; возникает объемно, красочно, зримо. Они как океан народной жизни.

Живой лик России эпохи Великого Октября, окрыленной духом свободы, борющейся, страдающей, побеждающей интервенцию, блокаду, разруху, голод, открывается нам с особой впечатляющей силой в поэмах великих первопроходцев советской литературы: «Двенадцати» и «Скифах» Александра Блока, «Ленине», «Хорошо!», «Во весь голос» Владимира Маяковского, «Песни о великом походе», «Руси советской», «Анне Снегиной» Сергея Есенина. Каждая их этих поэм — ярчайшая страница бессмертного эпоса революции.

А поэмы Александра Твардовского! «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль»! Сколь самобытны

людские характеры, запечатленные в каждой из них; какие неоглядные исторические просторы они открывают нам; наконец, как щедро они обогащают жанр поэмы, веками связанный с народной жизнью! Кажется, само время невластно над этим вечным жанром, насчитывающим тысячелетнюю историю своего неодолимого развития и движения вперед — в глубины человеческого духа.

Вспомним, сколько раз только в нашем двадцатом веке раздавались откровенно скептические голоса иных «теоретиков» от литературы о неизбежном «кризисе» жанра классической поэмы, о том, что поэтический эпос себя исчерпал, что на смену ему должны прийти «литература факта», поэзия «каталога образов», «телеграфного стиля» и т. п. Вот и в наши дни кое-кто пытается «новаторски» утверждать, что сюжетная поэма уже давно устарела, стала старомодной и что «современна» лишь бессюжетная, лирико-монологическая поэма.

Однако, как и ранее, наиболее значительные, вершинные достижения современной русской поэзии связаны с творчеством поэтов ярко выраженного эпического склада.

Убедительный пример тому — поэмы «Проданная Венера», «Золотая жила», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана» крупнейшего поэта нашего времени Василия Федорова, равно как и новая поэма выдающегося мастера русского стиха Егора Исаева «Даль памяти». В чем пронзительная сила исаевской поэмы? Во многом. И в могучем эпическом дыхании каждой ее строфы, и в неповторимости ее образной, языковой плоти, и в истинной народности, гражданственности, и в мудрости, красоте мысли. Она глубоко самостоятельна, поэма Исаева. Но она вся в традициях классики.

Остается заметить, что поэма почти всегда наиболее полно проявляет гражданское, общественное лицо автора, его социальную зоркость, мастерство, масштабность философских суждений.

ЛИК ЭПОХИ

*Издатели славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

Сергей Есенин

Почти каждый в своей жизни рано или поздно переживает минуты духовного озарения, когда волнующе-зримо встают в памяти живые картины прошлого, особенно те незабываемые мгновения, когда

в сердце вспыхивает впервые светлый огонь любви, или те, едва ли не самые счастливые дни, когда наиболее полно чувствуешь кровное единство с родной землей, которая тебя породила, поставила на ноги, и тогда открывается с наибольшей ясностью та истина, что судьба твоя с первых сознательных шагов неотделима от судьбы народной.

В эти взволнованно-светлые минуты бытия ты готов без колебаний отдать Родине, народу все самое дорогое, что у тебя есть, чем ты один лишь вправе распорядиться, — твою любовь и жизнь.

Вместе с тем, как это порой ни прискорбно осознавать, далеко не каждый способен богатство чувств своей души, то, что, казалось бы, для настоящего и будущего бережно хранит его память и что в минуты наивысшего эмоционального напряжения вспыхивает в ней с такой пронзительной явью, — все это выразить поэтическим словом и звучанием музыки, резцом скульптора и кистью живописца; рассказать обо всем виденном и пережитом тобой лично так, чтобы это личное стало для миллионов твоих соотечественников, для людей других стран и наций как бы их жизнью, их радостью и болью, их судьбой и надеждой.

Все это под силу лишь истинному таланту. Лишь он один способен воскресить в своей памяти силою своего воображения, своей фантазии живые картины живой жизни, вернуть их из прошлого в наше настоящее.

Со всей определенностью следует особо подчеркнуть, что только глубоко национальный художник способен через себя, свое авторское «я», мир своих мыслей и чувств раскрыть характер своего народа и выразить пафос своего времени.

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель.
Там некогда жилал и я,
Но север вреден для меня...

Сколько гроз отшумело над родиной Пушкина за прошедшее столетие! Сколько буйных ветров пронеслось за эти годы над непокорной головой России! Сколько исторических потрясений — и каких! — пережила она с той поры, когда в памяти сердца поэта, в далекой южной ссылке, за тысячи верст от его Петербурга, впервые так явственно обозначилась Пушкину судьба его героя, родившегося «на берегах Невы». Тогда-то вдалеке от шумной светской столичной жизни, от первых литературных успехов и встречи со славой, вдали от лицейских друзей зажили самостоятельной жизнью бессмертные строки «Евгения Онегина», покоряющие нас и сегодня своей естественностью и простотой.

Спустя сто лет по-пушкински, «легко» и «просто» впервые зазвучали в русской литературе другие знаменитые ныне стихи:

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя...

Они были рождены памятью сердца поэта «другой судьбы», за тысячи верст от его родных «рязанских раздолий» и так же, как пушкинские, под звездным южным небом.

Это пространственное и временное совпадение, на первый взгляд кажущееся даже в чем-то парадоксально-загадочным, было далеко и не просто случайно-стихийным. Скорее наоборот, оно по-своему выражало определенные исторические закономерности и глубинные общественно-социальные, художественные, нравственные связи русской поэзии, ее традиции и новаторство.

В первой четверти XX века октябрьская поэма Есенина «Анна Снегина», подобно пушкинскому «роману в стихах», стала своеобразной художественной энциклопедией народной жизни, особенно русского крестьянства в эпоху грандиозных революционных преобразований России и всего мира.

* * *

Тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Сентябрь. Вернувшись в Москву из Константинова, где Есенин пробыл почти весь август и написал ряд новых вещей, поэт предпринимает поездку на Кавказ, вторую в своей жизни. Он еще не знает, что на этот раз пробудет здесь почти полгода, что эта поездка на юг станет как бы его, есенинской, болдинской осенью.

Здесь Есениным будут написаны многие его «маленькие поэмы»: «Письмо к женщине», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Письмо к деду», «Ответ», «Стансы», «Метель», «Весна», «На Кавказе», «Поэтам Грузии», «Батум» и другие; «Баллада о двадцати шести», поэма «Цветы», стихи из цикла «Персидские мотивы»; здесь будет создана лучшая, «вершинная» поэма «Анна Снегина». В Баку, Тифлисе, Батуме Есенин впервые публикует двадцать семь своих новых произведений. Все — за полгода! Если бы за эти шесть месяцев была написана лишь одна поэма, подобная «Анне Снегиной», то и тогда это, естественно, вызвало бы наше восхищение и преклонение

перед талантливостью ее автора. Создать же в такие сжатые сроки такие классическо-новаторские произведения мог только истинно гениальный художник.

Почему с таким душевным подъемом, с такой внутренней отдачей работал Есенин на Кавказе? Чем все это можно объяснить? Послушаем сначала самого поэта. «Только одно во мне сейчас живет,— подчеркивает Есенин в одном из своих кавказских писем, отправленных из Батума в Москву Г. А. Бениславской 20 декабря 1924 года.— *Я чувствую себя просветленным* (выделено мной.— Ю. П.), не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия.

Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделять стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте...

Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв... Ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу...

...«Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стихотворений. Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока»... На днях пришлю «Цветы» и «Письмо к деду»... Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко.

Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе. Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого что я что-то увидел и успокоился».

Буквально за несколько дней перед этим Есенин закончил свою поэму «Цветы». 17 декабря 1924 года он в письме из Батума Г. А. Бениславской с радостью отмечает: «работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Меня тянет в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тагеран, потом опять в Баку...

На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы «Цветы». Это, пожалуй, лучше всего, что я написал».

Прочитав эти строки, можно подумать: не преувеличивает ли Есенин значение только что завершенной им поэмы? Ведь незадолго перед этим им были написаны и опубликованы «Русь советская», «Русь уходящая», «Письмо к женщине», «Возвращение на Родину», «Баллада о двадцати шести», «Песнь о великом походе» и другие прекрасные стихи.

Прочитав же хотя бы несколько строф поэмы, без особых колебаний соглашаешься со столь высокой оценкой «Цветов» самим автором.

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,

Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.

. . . . .

Ах, колокольчик! Твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимой далеки.

. . . . .

Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

. . . . .

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидеть!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.

«Это философская вещь» — так определил суть «Цветов» сам Есенин. Заметив при этом, что, прежде чем читать его поэму, «нужно... подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т. д., тогда она будет понятна».

Беззащитная песчинка — вот что такое Человек в просторах мироздания; жизнь его в истории рода человеческого — мгновение, особенно по сравнению с вечностью Вселенной. Вот почему с давних времен не только звездочеты и ученые-астрономы, но и поэты обращали свой взор в бескрайние, манящие к себе небесные звездные дали. Обращали для того, чтобы попытаться проникнуть в тайны мироздания, а значит, и в тайны человеческой души. Не раз обращал свой взор в космические глубины Вселенной и Есенин. Еще в 1916 году молодой поэт писал:

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил...

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Истинных поэтов всегда волновали такие вечные философско-мировоззренческие проблемы, как Человек и Вселенная, Человек и природа, Человек и мир его земных деяний, радостей, страстей, тревог, его любовь и ненависть, его верность Родине, его жизнь и смерть.

Человек — дивное творение природы, прекрасный, неповторимый цветок живой жизни. В поэме «Цветы» Есенин сумел обо всем этом сказать по-своему, в высшей степени самобытно. Общечеловеческое в «Цветах» неотделимо от личности поэта, от того, что он сам испытал и преодолел, — от его судьбы. Особенно примечательно, что все это в поэме «стыкуется» с конкретной, реальной действительностью эпохи Октября.

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

. . . . .

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.

Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

Красный цвет Революции как символ прекрасного в жизни — таким видится поэту теперь Октябрь семнадцатого года. Для поэта-гуманиста, каким был Есенин, революция — это прежде всего людские судьбы, их настоящее и будущее, о котором он говорит в «Цветях» с такой романтической окрыленностью:

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь.
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

. . . . .

И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.

И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.

Общечеловеческое содержание, казалось бы, глубоко личных, индивидуальных образов, за которыми чаще всего угадывается фигура самого автора, его мир дум и чувств; дерзкая, самобытнейшая метафоричность стиха; наконец, сочетание в поэме земной, конкретной романтической реальности с вселенско-глобальным охватом явлений действительности — таковы характерные черты и особенности поэтики «Цветов».

Мы уделили такое внимание поэме «Цветы» не случайно. Она создавалась Есениным в те дни, когда все полнее и конкретнее поэту счастливо открывались зримые контуры его «Анны Снегиной».

«Цветы» как бы завершали «дело», начатое другими большими и «маленькими поэмами» и стихами, которые были написаны Есениным летом и осенью 1924 года, особенно на Кавказе. Вместе

с ними «Цветы» создавали ту «просветленность» и «сосредоточенность в себе», ту возвышенную атмосферу нравственной чистоты и сердечности, тот крыленный эмоциональный настрой души, которые были так необходимы поэту в ту радостную пору, когда в даях его памяти во всей своей суровой романтической яви вставали судьбы героев его новой поэмы. Еще в конце ноября 1924 года Есенин писал Г. А. Бениславской из Тифлиса: «Я не приеду до тех пор, пока не кончу большую вещь» (выделено мной.— Ю. П.). Как нравится «Русь уходящая»? Вещь, я над которой работаю, мне нравится самому. Отрывки пришло из Баку».

В процессе завершения «Цветов» Есенин все большее внимание уделяет «Анне Снегиной». «Теперь сижу в Батуме,— сообщает он в письме П. И. Чагину 14 декабря 1924 года.— Работаю и скоро пришло Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал (выделено мной.— Ю. П.). Сейчас же посылаю «Цветы».

Как видим, теперь, когда «Анна Снегина» была уже почти сделана, Есенину становится очевидно, что именно эта новая поэма будет «лучше всего» из того, что он написал до сих пор, включая и «Цветы», которые еще месяц тому назад казались ему лучшей вещью. В этих оценках нет противоречия. Вернее, оно кажущееся. Ведь поэтическое творчество, как сама жизнь, всегда в вечном движении, в устремленности к лучшему, которое всегда — впереди.

Тем более что красочные поэтические блики «Цветов», строки которых проникнуты и открытым пристрастием автора к «красным цветам», что «пали» за свободу, и гражданским прозрением стального будущего родины поэта, и душевной теплотой «неразлучимой любви», и тревожной болью расставания с «отчим краем», и сердечной печалью невозможных личных утрат и потерь,— все диалектически противоречивые мысли и чувства, заключенные в этой «философской вещи», отразились в той или иной степени в образно-эмоциональной плоти живых картин революционной действительности, столь блистательно воссозданных Есениным в «Анне Снегиной».

После «Цветов» эта новая поэма становится самой главной заботой Есенина. Он отдает ей все силы и время; работает напряженно над каждым образом, каждой строкой. К 20 января 1925 года поэма «Анна Снегина» была Есениным завершена. В тот день он писал Г. А. Бениславской: «Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму 1000 строк. Лиро-эпическая. Очень хорошая...»

Трудно представить то волнение, которое испытал Есенин, когда держал в руках рукопись только что оконченной поэмы «Анна Снегина», на последней странице которой была обозначена дата ее рождения: «Январь 1925. Батум».

Поэма была напечатана в четвертом номере «Красной нови» за 1925 год. «Радостный он пришел ко мне с номером журнала, еще пахнущим типографской краской,— вспоминает жена поэта Софья Андреевна Толстая-Есенина.— Раскрыл журнал и начал читать:

Село, значит, наше — Радово.
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места...

И прочитал... всю поэму. Я сидела, не шелохнувшись. Как он читал!»

В своих комментариях к поэме она подчеркивает: «Анна Снегина» в значительной степени автобиографична. В ней определились некоторые моменты из личной биографии поэта, и революционные события в Петрограде, и в деревне, очевидцем и участником которых был сам Есенин».

Об обстановке в дни революции в родном селе поэта — Константинове — рассказывает сестра поэта Е. А. Есенина:

«1918 год. В селе у нас творилось бог знает что.

— Долой буржуев! Долой помещиков! — несло со всех сторон. Каждую неделю мужики собираются на сход.

Руководит всем Мочалин Петр Яковлевич, наш односельчанин, рабочий коломенского завода. Во время революции он пользовался в нашем селе большим авторитетом. Наша константиновская молодежь тех лет многим была обязана Мочалину, да и не только молодежи.

Личность Мочалина интересовала Сергея. Он знал о нем все. Позднее Мочалин послужил ему в известной мере прототипом для образа Оглоблина Прона в «Анне Снегиной» и комиссара в «Сказке о пастушонке Пете».

В 1918 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было такое же, как и у всех, — приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками».

В пейзаже поэмы, лирических сценах «Анны Снегиной» отразились константиновские впечатления поэта. «За церковью, у склона горы, на которой было старое кладбище, — вспоминает младшая из сестер поэта — А. А. Есенина, — стоял высокий бревенчатый забор, вдоль которого росли ветлы. Этот забор, тянувшийся почти до самой реки, огораживавший чуть ли не одну треть всего константиновского подгорья, отделял участок, принадлежавший помещице Кашиной Л. И., имение которой вплотную подходило к церкви...

Л. И. Кашина была молодая, интересная и образованная женщина, владеющая несколькими иностранными языками. Она явилась прототипом Анны Снегиной, ей же было посвящено Сергеем стихотворение «Зеленая прическа».

Конечно, Л. И. Кашина явилась для поэта лишь одним из прототипов его героини. После революции жизнь ее сложилась совершенно по-иному, чем судьба Анны Снегиной.

Сын Лидии Ивановны, Георгий Николаевич Кашин, рассказывает, что в 1917 году его мать «передала свой дом в Константинове крестьянам, а сама стала жить в Белом Яру, в усадьбе на луговой левой стороне Оки, выше Константинова... Сергей Есенин не раз бывал в Белом Яру. В двадцатые годы усадьба сгорела... В 1919 году Лидия Ивановна прочно обосновалась в Москве. Работала переводчицей, машинисткой и стенографисткой».

И еще: следует подчеркнуть особо, лишь «на расстоянии» после того, как Советская власть прочно утвердилась в русской деревне, открылась поэту великая правда Ленина. Характерна в этом отношении одна из «ключевых» кульминационных сцен «Анны Снегиной», когда радовские мужики настойчиво «пытают» своего земляка, героя поэмы, о самом главном и насущном для них в революции.

«Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг,
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

«Он — вы». Это и ответ героя «Анны Снегиной» крестьянам и в еще большей степени ответ поэта самому себе. Это великое открытие поэтом для себя сути, существа Ленина, народности его революционного дела, его бессмертных идей.

Ленин, большевики впервые в истории крестьянской Руси посмотрели на «мужика» как на единственно реальное и надежное союзника рабочей России в пролетарской революции. Вот что приводит Есенина вместе с трудовой крестьянской Русью к правде Ленина, к новому революционному берегу.

Едва ли не первым в мировой поэзии именно Есенин рассказал об объективном, исторически закономерном пути трудового крестьянства к пролетарской революции.

Октябрь в деревне — главная тема «Анны Снегиной». С революционными событиями 1917 года самым тесным и непосредственным образом связана судьба ее главных героев: помещицы Анны Снегиной, весь хутор которой во время революции крестьяне «забрали в волость с хозяйкой и со скотом»; крестьянина-бедняка Оглоблина Прона, борющегося за власть Советов и мечтающего побыстрее «открыть коммуны в своем селе»; старика мельника и его жены — доброй, ворчливой хлопотуньи; рассказчика-поэта, земляка Прона, вовлеченного революционной бурей в «мужицкие дела». Отношение Есенина к своим героям проникнуто глубочайшим лиризмом и нескрываемой, тревожной озабоченностью за их нелегкие судьбы.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

В отличие от первых произведений, воспевающих преображенную крестьянскую Русь как единое целое, в «Анне Снегиной» поэт показал разных «мужицков»: крестьяне-труженики, особенно деревенская беднота, горячо приветствуют Советскую власть и идут за Лениным; есть среди крестьян и такие, которых, по глубокому убеждению Прона, «надо еще варить»; есть закоренелые собственники, вроде «отвратительного малого» — возницы; есть крикуны и бездельники, как Лабутя, ищущие в революции «легкой жизни».

По-разному воспринимают ломку старых устоев и другие герои поэмы. Анна Снегина, когда-то мечтавшая вместе с юным поэтом о славе, выбита революцией из привычного уклада помещицкой жизни. На что-то надеясь, она отправилась искать счастья на чужбину, но надежды растаяли, и осталась только мечта об утраченной родине.

...Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу средь судов все пристальной
На красный советский флаг.

Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...

Долгое время об «Анне Снегиной» было принято говорить только как о лирической поэме, хотя очевидно, что источник ее художественной силы не только в глубокой лиричности, но и в эпической масштабности изображаемых событий.

Герой поэмы объединяет ее эпическое и лирическое течение в единое художественное целое. Взволнованный рассказ-воспоминание о юношеских встречах «с девушкой в белой накидке», о неожиданном свидании с Анной в «радовских предместьях» в дни революции, о ее письме «с лондонской печатью», полном тоски по Родине, во многом определяет лирическую тональность поэмы, усиливает ее драматизм.

Последняя встреча героя поэмы с Анной Снегиной происходит «на расстойняе», для нас как бы незримо. Но от этого значение ее несколько не снижается, а даже, наоборот, возрастает, становится заглавно-ключевым.

Встреча эта открывает нам в, казалось бы, уже хорошо знакомом по предыдущим главам лике и характере Анны Снегиной едва ли не самое главное и существенное, а именно: **чувство Родины, которым до краев наполнена ее истрадавшаяся душа.** Чувство это помогает нашей героине сохранить себя как личность при всех ошибках и заблуждениях, личность, достойную самого искреннего, живого соучастия к ее судьбе, сложившейся в годы революционных потрясений столь трагически печально.

В самом деле, еще раз вдумаясь в строки «лондонского» письма нашей героини, по «легкости» слога поначалу, казалось бы, такого «беспечного». Оно не только проникнуто горьковатыми, словно полынь, раздумьями-воспоминаниями о безоблачно-счастливых днях юности, но и наполнено мудрым прозрением будущего России. Вместе с тем в нем суровая, бескомпромиссная оценка своей собственной жизни: «Теперь там достигли цели. Дорога моя ясна...»

В путях и перепутьях по чужим землям и весям Анна Снегина не растеряла, не утратила в сердце главного — верности Родине.

Неотступная мечта хоть на мгновение оказаться рядом с Родиной в чужой далекой стране приводит нашу героиню в порт, на пристань. Цель одна-единственная. Еще раз ощутить волнение и тревогу от встречи с Родиной, с живой ее частицей, входящим в гавань пароходом из Советской России.

Конечно, все не так просто! Есенин прекрасно это сознает. Красный флаг с серпом и молотом, на который с каждым разом «все пристальней», со скрытой надеждой смотрит Анна Снегина, и радует ее как знак Родины и вместе с тем по-прежнему еще и страшит.

Это естественно. Нашей героине памятно все то, что она лично пережила на Родине в дни революции. Хотя она тогда и не ответила на прямой вопрос, обращенный к ней:

«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

Это «странное» молчание было вызвано не только невосполнимыми личными утратами и потерями. Несомненно, есть здесь и еще одно немаловажное обстоятельство. Как умный, честный, по-своему пронизательный человек, Анна Снегина где-то в глубинах своего сознания чувствует и другое: историческую справедливость и неизбежность народного восстания. Это прозрение позволит ей позже, в эмиграции, преодолеть «обиды» на Советскую власть, стать мудрее, демократичнее и, что особенно поучительно, ранее других соотечественников, оказавшихся «на том берегу», осознать ту истину, что в годы революции Россия не пропала, не «сгибла», а возродилась и «достигла силы», что России Пронов Оглоблиных, России с красным советским флагом отныне открыт светлый путь в будущее.

С каждым годом эта новая Россия становится для Анны Снегиной все ближе. Мечты, думы об этой, казалось бы, навсегда утраченной и вновь обретенной Родине теперь, пожалуй, единственное, что еще как-то согревает душу нашей героине и удерживает ее на этой грешной земле. Трагизм и драматизм судьбы Анны Снегиной как личности незаурядной все время нарастают. Все яснее она осознает, что ей практически нет возврата в прошлое. Все более недоступно-далекими становятся для нее родные «радовские предместья»: там кипит иная жизнь. Оттого-то так настойчиво ищет она любого случая, любой зацепки в окружающей действительности, которые хотя бы на время поддержали ее морально и укрепили духовные связи с Родиной.

Вот почему особенно дорого ей все то, что напоминает о России; вот почему, видя судно под советским флагом, она не в силах скрыть своих волнений; вот почему в минуты душевного одиночества она настойчиво пробуждает в своей памяти как последнюю надежду мечту-воспоминание о юном поэте, который так «пылко» был когда-то в нее влюблен и который, оказывается, по его собственному признанию, навсегда сохранил это чувство, несмотря на все превратности судьбы.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

Теперь, на чужбине, для Анны Снегиной все роднее и ближе становится именно образ этого человека, любовь которого она в те далекие годы отвергала как бы шутя, да и позднее, когда эта любовь могла бы вспыхнуть «вторым огнем», постаралась, как ей казалось в ту пору, «мудро» ее погасить.

Да, сложен мир человеческих отношений, сложны, порой почти просто логически необъяснимы стихийные порывы людских сердец, движения наших душ, временами таких странных и почти неуправляемых. Вот и Анна Снегина, узнав, что человек, который был в нее влюблен, жив, что он и сегодня в России, отправляет на Родину взволнованное письмо. С надеждой вверяя бумаге «всю грусть» своих слов, она, быть может, впервые решается сказать ему открыто, что и ей тоже многое памятно и дорого:

Там часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.

А главное, сказать ему, что он значит для нее, особенно теперь:

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Конечно же, и мы да и сама Анна Снегина прекрасно понимаем, что такое письмо прежде всего было необходимо для нее лично. Оно как якорь спасения ее души, каждая его строка — сокровенная исповедь перед близким человеком, перед своей совестью и прежде всего перед Родиной, которую она любит до боли сердечной и которую в силу классовых предрассудков покинула, к сожалению, в дни революции.

Что же касается героя поэмы, то он к словам старого мельника о письме, которое тот почти два месяца тому назад «приволок» для него с почты, относится поначалу несколько иронически: «Конечно! Откуда же больше и ждать!» Но вот письмо прочитано. Открытость сердца Анны Снегиной, ее исповедальный рассказ, наконец, явно неожиданное признание, что отныне образ его неотделим для нее от образа весны, образа Родины, — все это невольно заставляет нашего героя многое вспомнить и как бы пережить заново. Он понимает: такие письма не пишутся случайно, «беспричинно». От равнодушия, с которым он поначалу воспринял лондонское послание, не осталось

и следа. Перед ним волнующе-зримо встала прекрасная пора юности: живые, озаренные картины тех солнечных дней на какое-то мгновение отогрели его устало-одинокую душу; и все, вплоть до мелочей, окружающих его теперь в радовских местах, как-то само собой явственно напомнило ему то далекое время, когда все казалось таким прекрасным:

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Поэма закончена. С нескрываемой грустью расстаемся мы с героями Сергея Есенина, которых за это время успели не только хорошо узнать, но и искренне полюбить, как почти живых, реальных людей, наших добрых «знакомых незнакомцев». Что там говорить: душа наша прикипела теперь к ним — навсегда. О них мы будем охотно вспоминать и рассказывать. И что еще весьма примечательно: после встречи с героями поэмы «Анна Снегина», после всего того, что мы пережили вместе с ними, мы начинаем как-то более пристально вглядываться в себя, в прожитые нами годы; мы чувствуем, как окрыленнее становится у нас на душе.

Неодолимо притягивает нас сердечная доброта есенинских героев, их честность, мужественность, любовь и гражданская верность Родине.

Правда, нам так и не дано знать, получит ли Анна Снегина ответ из России на свое письмо, в котором столько женского достоинства и чистоты, столько красоты женской души, что, читая его, вспоминаешь невольно знаменитое письмо пушкинской Татьяны к Онегину. Наконец, не суждено нам узнать и того: будет ли Анна Снегина снова писать своему радовскому адресату. Скорее всего, нет.

Все, что ей было необходимо сказать, она уже сказала. Повторяем: поэма завершена автором и завершена гениально просто и мудро.

Сколько зримых, конкретно-исторических событий Октябрьской эпохи и прежде всего непримиримой классовой борьбы в русской деревне, сколько общечеловеческого, вечного, что веками составляло суть духовной и плотской жизни рода людского и что продолжает волновать нас всех и каждого, смог вместить Есенин в характеры, поступки, а точнее, в сложные, драматические противоречивые судьбы своих главных героев и прежде всего Анны Снегиной! Он наделил их глубоко индивидуальными, неповторимыми чертами. Каждый из них живет на страницах поэмы своей жизнью! У каждого в сердце — свся любовь; каждый из них по-своему заблуждается и ошибается в поисках истины; наконец, по-своему видит красоту мира и всей душой предан России.

Остается только сожалеть, что в литературной критике долгое время, особенно в двадцатых годах, «Анна Снегина», равно как и другие историко-революционные поэмы Сергея Есенина, не получила должной и заслуженной оценки.

Вместо решительной поддержки Есенина, как поэта настойчиво и постоянно стремящегося к художественно-философскому осмыслению в большой эпической форме героической истории своей Родины и особенно событий Октябрьской социалистической революции, в критике в те годы весьма настойчиво и довольно часто раздавались голоса, что поэту лирическому, каким прежде всего является Есенин, не следует и опасно браться за большие эпические темы, что они лирическому поэту не под силу, что не случайно историко-революционные поэмы Есенина, как правило, в идейно-художественном отношении очень слабы и несовершенны, что они «не есенинские».

Очень характерно в этом отношении «суждение» об «Анне Снегиной» критика Н. П. Медведева, который в 1926 году весьма «решительно» утверждал:

«Автобиографическая поэма — таково задание Есенина в этом произведении. Осуществить его удалось поэту только внешне, только формально... Если, таким образом, «Анна Снегина» и поэма, то поэма неудавшаяся. Лирику Есенину не хватило ни материала, ни размаха».

И, наконец, общий «вывод»:

«Таким образом, Есенин был и остается нежным субъективным лириком и мастером малых лирических форм — песен и для последних лет его жизни — элегий.

Попытка выхода его из заколдованного круга «лирической обреченности» в эпос и в драму ощутимых результатов не дали».

Как говорится в таких случаях, комментарий излишни.

«Лиро-эпическая» — так сам Есенин в высшей степени справедливо и точно определил жанр поэмы «Анна Снегина».

Проникновенный лиризм был всегда характерен для русского эпоса, начиная со «Слова о полку Игореве».

В «Анне Снегиной» Есенин остается верен прекрасным традициям русской эпической поэзии, он их по-своему развивает и обогащает.

Поэзия ведет вечный бой за Человека!

Великие художники — всегда великие гуманисты. Как негасимый огонь, пронесая они через века свою неколебимую любовь и веру в Человека, в то, что будущее его светло и прекрасно. По своей творческой сути, по своим убеждениям и идеям они великие мыслители и революционеры духа; они постоянно и настойчиво вслушиваются в биение народного сердца, в могучее дыхание своей родины, чутко улавливая при этом нарастающие раскаты новых революционных бурь и потрясений. Все это и делает их позицию бессмертной и вечной. Таков безымянный автор «Слова о полку Игореве», таков наш Пушкин, Лермонтов и Некрасов, наш Маяковский и Блок, таков Сергей Есенин...

Ныне становится все очевиднее, что Есенин в годы революции, находясь в постоянных, тревожных раздумьях о будущем «полевой» Руси, о том, «куда несет нас рок событий?», был предельно обеспокоен завтрашним днем всего человечества. Ему, как когда-то Льву Толстому из Ясной Поляны, из своего «знаменитого села» Константиново открывался и проглядывался до самых дальних далей весь современный окружающий его мир, в вечном борении человеческих страстей, непримиримости добра и зла, света и тьмы, богатства и нищеты; мир, охваченный революционной октябрьской бурей. Лик этого мира встает перед нами зримо в бессмертных строках классической поэмы Сергея Есенина «Анне Снегиной».

ИЗБА НАД ТОБОЛОМ

*Гордись, мой друг, что ты есть сын России,
сын рек ее, лесов, озер и нив...*

Сергей Есенин

Лица. Лица друзей. Задумчивые. Вздохновенные. Озаренные. И голос. Предельно искренний, немного усталый, такой знакомый и близкий...

Кажется, все это было только вчера. В кругу товарищей и друзей выдающийся русский поэт Сергей Александрович Васильев в Центральном Доме литераторов читал новую поэму «Имба над Тоболом», посвященную памяти поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера — одного из достойнейших сынов России.

Отзвучали последние заключительные строфы поэмы. В небольшом уютном зале на какое-то мгновение стало торжественно тихо. Было очевидно: только что услышанные стихи явно «легли» на сердце весьма искушенным слушателям.

— Ну вот, мои дорогие, и кончил я вас мучить. Теперь помолчу, а вы пошумите,— весело заметил Сергей Васильев.

Чувствовалось: он был радостно возбужден таким приемом и не собирался этого скрывать. Его лицо светилось доброй, васильевской улыбкой.

В эти минуты невозможно было поверить, что этот такой могучий с виду человек был уже давно очень, очень тяжело болен, что еще сегодня утром он просил, если у него не хватит сил и он не «выдюжит», «оплошает», дочитать за него поэму.

Но он выдюжил и на этот раз. Вспомнились его известные стихи:

Вот и шагаю с открытым забралом,
знойную рифму держу наготове,
сроду в пути не сказавшись усталым,
жар сохраняю в нацеленном слове.

Счастье ли, горе ли вижу людское,
ведро ли светит, ненастье ли студит,—
нет мне покоя, нет мне покоя
и никогда, вероятно, не будет.

Никто в тот вечер не предполагал, что это было, по существу, последнее публичное выступление Сергея Васильева. Вскоре он вновь оказался в больнице. Во время операции не выдержало, сдало сердце. 2 июля 1975 года оборвался жизненный путь поэта...

С того памятного вечера неоднократно возвращался я к «Избе над Тоболом». Поэма неудержимо влекла к себе. Каждый раз что-то значительное, новое открывалось в ее исторических даях, забирая в полон душу буквально с изначальных строк:

Над говорливой рекой Тоболом
Стоит изба.
Покрыта сумрачным сном тяжелым
ее судьба.
Избу возвел здесь бедняк-изгнанник,
поэт к тому ж.
А родом был он из тех, из ранних,
бесстрашных душ,
кто отдал крыльям мечты народной
всю страсть и пыл,
кому опорой благородной
сам Пушкин был.

Велика сила слова. Все ему подвластно: и седая даль прошлого нашей истории, и сегодняшняя явь, наше настоящее, и далекое-близкое, будущее. Кто сегодня хранит в памяти имена, казалось, всеильно-вечных вельмож и царедворцев времен Пушкина? Покрытые гленом народного забвения, они бесславно канули в небытие.

А бессмертный Пушкин! Все, что гений его воплотил в слове, — все вечно, все современно. В душе России, освобожденной Великим Октябрем от самодержавного рабства, пушкинский «Памятник» уже давно вознесся выше любого александрийского столпа...

О живой, неистребимой силе поэтического слова, способного зримо воскресить в нашей памяти, казалось бы, навсегда ушедшие от нас, забытые страницы былого, вдохнуть в них «душу живу», — обо всем этом вновь думалось при встрече с васильевской «Избой над Тоболом».

В самом деле, на берегу реки Тобол доживала последние дни старая изба. Более ста лет тому назад ее «возвел» и жил в ней сосланный сюда декабрист Кюхельбекер.

Прошло бы еще несколько десятилетий, и последние венцы этой старой избы, вероятно, исчезли бы с лика земли. И скорее всего это вряд ли кого-нибудь удивило. Что — изба! Города, страны и даже цивилизации гибли на нашей планете. И до нас, их далеких потомков, доходило чаще всего то, что «отстоялось» словом, что запечатлелось, закрепилось на века, казалось бы, в этом самом хрупком строительном материале. Яркий пример тому — древние новгородские берестяные грамоты.

Так и старая изба на берегу Тобола зажила в наши дни своей новой жизнью — жизнью в слове. И сделал это поэт:

Изба над Тоболом!

Годами источен
твой вид первозданный,
утрачен фасад.
И все же венцы твоих бурых обочин
наглядно

о горьком былом говорят.
Изба над Тоболом!

Тесовая крыша!
Бревенчатый дом на крутом берегу.
Я издали скрип половиц твоих слышу
и облик твой
в сердце своем берегу.

Сергей Васильев, чье детство и отрочество прошли в Кургане, на Тоболе, с той юной поры сберег в памяти все, что было связано в прошлом с избой Кюхельбекера. По воле поэта в ней вновь зазвучал голос ее «ссылного хозяина», лицейского друга Пушкина:

— Друзья мои!

Братья мои по изгнанию!..
(Вильгельм пошатнулся и побледнел.)

Я поздней ночью

и ранней ранью

не вижу,

где Пушкина есть предел...

Друзья!

Я в вас вижу единоверцев.

Нева нас сроднила, а не Тобол.

Так выпьем же дружно

за зоркость сердца,

за пушкинский, ставший звездой, глагол!

На наших глазах как бы произошло чудо. Изба над Тоболом наполнилась живой жизнью. Перед нашим взором предстал Кюхельбекер, сохранивший, несмотря на тяжелейшие годы ссылки и болезнь, поразительную стойкость души, ясность мысли, доброту чувств, благородство; его семья — дети, жена Дросида, далекая от литературных забот больного супруга и вместе с тем относящаяся к нему с истинно материнской нежностью; ссыльные друзья поэта — декабристы Бригген, Нарышкины, Большаков, Щепкин-Ростовский, что по «Сенатской московцев вел».

Вся поэма Васильева озарена светлым именем Пушкина. Образ великого поэта не застит образа Кюхельбекера, а, наоборот, помогает автору полнее выразить главные черты его характера. С особой силой это проявляется в одном из самых просветленных эпизодов — праздновании декабристами в глухой сибирской ссылке дня рождения Пушкина:

...Встал Кюхельбекер и начал слово

ровно и сдержанно: — Господа!

Все мы здесь

связаны общей долей,

всех стережет полицейский глаз.

Но Пушкин живет,

заявить позволю,

очень по-разному в каждом из нас...

И я полагаю,

что мы недаром

восстали когда-то, презрев картечь...—

Вильгельм произнес эту фразу с жаром,

осекся на миг и продолжил речь:

— Вспомним,

с какую глубокою страстью

сказал он про новые времена:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...»

Слепнушему, тяжело больному человеку собрать у себя в доме в день рождения Пушкина тех, кто за десятилетия царской каторги и ссылки мог и утратить и даже окончательно убить свою душу, собрать для того, чтобы укрепить веру в святое дело свободы; наконец, вместе с ними еще раз пережить незабываемые минуты, когда среди них был их Пушкин, — все это было равнозначно подвигу, а вернее, это и был нравственный, гражданский подвиг Вильгельма Кюхельбекера. Вместе с автором мы глубоко переживаем это духовное возрождение его героя. Всем предшествующим повествованием подводит нас Сергей Васильев к этой ключевой сцене. Здесь, несомненно, кульминационный взлет всей поэмы.

Автор делает нас очевидцами еще одной незабываемой встречи хозяина избы над Тоболом — с декабристом Иваном Пущиным. Последний приехал в Курган для того, чтобы увезти Кюхельбекера на лечение в Тобольск. Поэт дает нам возможность увидеть, как во время этой встречи с лицейским товарищем Кюхельбекер «стал диктовать ему завещанье — нажитой мудрости борозду».

Что —
целиком продолжить к изданию,
что —
для печати в кусках извлечь,
что —
немедля, без колебанья
с чистой совестью бросить в печь...
— Вот и з порядке мои скрижали!
Теперь и в бессмертье скакать пора!..
...А поутру уже кони ржали,
тройка тронулась со двора...
В Тобольск!

Там отступит режим постельный,
Там обретет он вечный покой.
И тут я прощаюсь с моим Вильгельмом
и долго машу ему вслед рукой.

Прощаемся и мы с героем Сергея Васильева, прощаемся со щемящей в душе грустью, в раздумьях о его трагической и все же посвоему счастливой судьбе. Он становится для нас значительно роднее, ближе, человечнее, чем это было до нашей встречи с «Избой над Тоболом».

Сергей Васильев с большим художественным тактом и исторической зоркостью успешно справляется в «Избе над Тоболом» с зада-

чей, которую всякий раз приходится решать писателю, обращающемуся к героическому прошлому. Всей поэмой он справедливо утверждает, что его исторический герой по народности характера, гражданской убежденности, по своим идеалам — наш современник.

Остается заметить, что здесь во всем чувствуется зрелый мастер стиха. В поэме нет ничего лишнего, нет затянутости действия, длиннот, необязательных эпизодов, рыхлых строф, с чем порой мы сталкиваемся в других вещах Сергея Васильева. В «Избе над Тоболом» все на месте, все подчинено раскрытию авторского замысла, воссозданию правдивых картин народной жизни, народного быта, окружавших Вильгельма Кюхельбекера в сибирской ссылке.

Такова, к примеру, одна из живописных, многоликих, «голосистых» сцен, передающих живую атмосферу, царящую на курганском базаре, куда однажды попадает герой поэмы:

Гомон, гвалт стоит над базаром.

Мечется,

крутится,

носится

рыжей пылью,

летучим жаром

разноголосица :

— Шурум-бурум!

Не за так берем!

Платим сами

медяками,

а с походцем серебром!

— Втулки!

— Вьюшки!

— Гвозди!

— Кадушки!

— Погадаем, Кольша!

— Не желаю больше!

— Перекусим, Ваньша?

— Выпьем чарку раньше!

— Что купил?

— Что надо!

Чохом без огляда

взять поспел едва

две серёдки

от селедки,

от жилетки рукава!

— Кобыленка знатна́,

не базлай, что лыса!

— Шаровары из сукна!

— Шушины из плиса!
 — Обручó! Обручá!
 — А они, мамань, для ча?
 — Для зажима, дочка,
 чтоб держалась бочка!
 — Бурдюк с кумысом!
 — С патокой крынка!
 — Жирный вяленый сом!
 — Жарена конинка!
 — Отвяжись, худая жись,
 с эдаким товаром!
 Мне его несли лонись,—
 не взяла задаром!

Эта «шумная» сцена поначалу может показаться излишне хаотичной. Но вскоре становится очевидным мастерство поэта, который с внешней легкостью и непринужденностью так точно выстраивает эту сцену и ритмически и композиционно.

У Сергея Васильева за каждой «случайной» фразой, за каждой, казалось бы, мимоходом оброненной репликой почти всегда угадывается и просматривается конкретный лик или характер. Из этих отдельных ликов-образов, из этой ритмической «разноголосицы» и складывается в «Избе над Тоболом» живой, выразительный портрет народа.

Словно венец к венцу выстраивает надежно и добротню, строка к строке Сергей Васильев свою поэтическую избу над Тоболом. При этом многое в поэме остается как бы за строкой, вернее, в глубине строки. Это весьма характерно и примечательно для ее поэтики, народности ее стиля.

По-настоящему счастлив тот, кто сумеет сохранить и пронести святую верность Родине, наперекор всем превратностям судьбы, через всю жизнь, — такова суть поэзии Сергея Васильева, ее главный пафос. Едва ли не всего одухотвореннее, яростнее, полнее выражен он в его лебединой песне — «Избе над Тоболом».

Далеко не случайно мы уделили такое внимание последней поэме Сергея Васильева. В ней ярко проявляется одна из характернейших особенностей поэта — постоянный, всевозрастающий интерес к героическому прошлому России во имя ее настоящего и будущего.

Историзм «Избы над Тоболом» я назвал бы поэтически-документальным историзмом, проникнутым оптимистическим пафосом современности. Взгляд поэта на историю с позиций современности предельно выразителен. Именно это в первую очередь позволяет Сергею Васильеву сказать свое слово о великом подвиге декабристов.

«Изда над Тоболом» достойно венчает творческий и жизненный путь поэта. С высоты этой талантливой поэмы, пока еще не столь известной в широких литературных и читательских кругах, открывается полнее и рельефнее вся глубина чувств его поэзии.

Поэзия Сергея Васильева — это прежде всего поэзия характеров — ярких, героических, глубоко народных. Поэта волнуют, увлекают натуры цельные, сильные духом; сердца их наполнены жаждой подвига и великой любовью к Родине. Чаще всего в поэмах Васильева перед нами проходит вся их жизнь. Поэт как бы раскрывает перед нами тайну рождения их подвига, показывая, какие силы, какие мысли и чувства ведут его героев к этому подвигу. Таков капитан Можайский, герой поэмы «Первый в мире», — «великий подвижник российской земли», веривший в будущее Родины в самые глухие годы царизма.

Придет еще время, я знаю, придет,—
Россия расправит широкие плечи,
и вылетит
утренней правде навстречу
ее от рожденья крылатый народ!..

Таков в поэме «Портрет партизана» Александр Черенок — легендарный, неуловимый вожак сибирских партизан, гроза колчаковцев:

Как будто,
                        поднявшись над тучей,
упрямый,
                        лихой,
                        молодой,
он вдруг обернулся летучей,
никем не открытой звездой.

Год за годом встает в стихах и поэмах Васильева наше неповторимое, суровое, героическое время.

Отпела вьюга, опалил мороз
немецкие расколотые танки.
Валяются их грузные останки
в ногах у русских тоненьких берез.

Это из поэмы «Москва за нами». Когда читаешь ее сегодня, то убеждаешься: для поэта-фронтовика был один-единственный критерий — историческая достоверность, правда войны. Не удивлять читателя затейливым ритмическим ходом, звонкой рифмой, нежи-

данным словом (мы знаем, что и по этой части умения поэту не занимать), а точно воссоздать зримые картины боя, передать напряженность, ожесточенный характер сражения, героизм и отвагу защитников Москвы.

У нашего наводчика Отрады
уносит руку дикий вихрь снаряда,
Но он стоит, весь кровью залитой,—
стоит безрукий, с помутневшим взглядом
и левой дергает упавший шнур витой...

Представляя героя-артиллериста к награде, командир части как «документ», подтверждающий отвагу и мужество бойца, приложил страничку фронтовой газеты с поэмой Васильева.

Со временем о великой битве за столицу будут, наверное, созданы более масштабные эпические произведения. Но и тогда поэма «Москва за нами» останется для всех нас волнующим, правдивым поэтическим документом своей эпохи.

Почти все поэмы Сергея Васильева строго сюжетны. Автор, как правило, обращается к таким историческим событиям, которые наиболее созвучны нашему времени.

«Так, например,— замечает он,— маленькая поэма «Анна Денисовна» — это лирический рассказ о судьбе прославленного красного полководца Павла Ефимовича Дыбенко и его матери, а «Москва за нами» — достоверная повесть о сражении на знаменитом Бородинском поле осенью 1941 года, где вновь стояли насмерть русские воины под командой отважного полковника Виктора Ивановича Полосухина, командира 32-й Хасанской дивизии.

От факта идут и все основные события поэтической трилогии «Портрет партизана».

Особое значение,— продолжает Сергей Васильев,— я придаю новой поэме «Достоинство», в которой рассказываю о Герое Советского Союза генерале Дмитрие Михайловиче Карбышеве, показавшем всему миру пример великой национальной гордости и преданности родной земле.

Надо признаться,— подчеркивает он далее,— поэма писалась трудно. Почему? Потому что «подавлял» сам материал: к какому бы периоду биографии героя я ни обращался,— он буквально просился в поэму.

При работе над ней я осмелился на строгий отбор фактов, на их обобщение, а порой давал волю домыслу, стараясь не нарушать художественной правды».

Хорошо помню, как после одного из заседаний комиссии Союза писателей РСФСР по увековечению памяти великого поэта России — Сергея Александровича Есенина, бессменным и деятельным председа-

телем которой был до последних дней жизни С. А. Васильев, он несколько неожиданно для окружающих заговорил вдруг с одержимой увлеченностью о генерале Карбышеве, его легендарном подвиге.

— Ну, братцы, хватило бы только сил одолеть тему. Уж очень яркая и дерзкая личность — этот Карбышев. Дух захватывает! Вполсилы трудиться здесь нельзя. А поэма может получиться знатная. Какой драматизм событий, а главное, какой характер — кремь! Я уже взял разбег. Колдую над началом. Теперь главное — не замутить правду о герое стертными словами.

Шло время, шла напряженная, вдумчивая работа Сергея Васильева над поэмой «Достоинство», поиск, изучение архивных документов о Карбышеве, встреча с теми, кто пережил ужас фашистского плена, неспешные беседы с родными и близкими прославленного генерала. Складывался окончательный замысел: показать бессилие, духовный крах фашизма перед советским человеком — стойким борцом-интернационалистом, беззаветно преданным социалистической Родине.

В начале 1972 года Сергей Васильев читает друзьям главы новой поэмы о Карбышеве. Работа близка к завершению. Поэт включает «Достоинство» в новую книгу «Под небом России». В 1973 году автору поэмы «Достоинство» присуждается Государственная премия РСФСР имени Горького.

В антифашистско-патриотической поэме о Карбышеве Сергей Васильев как художник-реалист поднимается до высот подлинно народной трагедии. Особенно ранит сердце, тревожит душу глава, заключающая поэму, «Еще ступень к бессмертной славе».

Вся она звучит как трагически-скорбный реквием, утверждающий вечную память народного подвига.

Маутхаузен... Проклятое место... Фашистский лагерь смерти. Дикий холод. «Осатаневший ветер с гор». Лагерный двор. У бетонной стены большая группа пленных.

Измученных людей остервенелая «стража-банда» гонит по плацу в «баню-душевую», где пленных поливают «горячим нещадным ливнем-кипятком». Потом охранники выталкивают пленных обратно во двор и из «длинных пожарных шлангов-рукавов» ударяют по лицам и спинам «немилосердной» ледяной струей. Замерзая, пленные падают на землю. Среди тех, кто усилием воли еще удерживается на ногах под этим смертельным дождем, — Карбышев. Вот он, напрягаясь из последних сил, «взметнулся, как будто в споре на износ, отринул воду, разогнулся и очень внятно произнес:

— Бодрее, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!..»

Как быстро ветер студит воду!
Колени сковывает лед,

но он на них, врагам в угоду,
не падал, и не упадет!..
Как будто белая береста
сменила смуглой кожи гладь.
Так вот как яростно и просто
умеют люди умирать.
Жил человек,
судьбы хозяин,
с красивой гордой головой,
а стал легендой, изваян
из непогоды ветровой.

Из ветровой непогоды и... поэтического слова, добавим мы, благодарные Сергею Васильеву за его художественный памятник легендарному сыну России — генералу Карбышеву.

Создавая «Достоинство», вновь и вновь обращался Сергей Васильев к своей памяти — главному источнику, аккумулирующему творческую, эмоциональную энергию поэта. Одна за другой вставали в дали памяти солдата Васильева героические картины священной народной битвы с фашизмом. В тревожные осенние дни 1941 года Сергей Александрович Васильев в рядах Московского ополчения ушел на фронт добровольцем. По дорогам войны он прошагал долгие месяцы как солдат, а позднее — как военный корреспондент. На фронтовых дорогах родились его стихи, опаленные огнем войны: «Русская мать», «Землякам-сибирякам», «Год войны», «Поле русской славы», «Улица Ленина», «Крымский партизан», «Трое у костра», «Весна и победа», «Русский человек».

Гордись, мой друг, что ты есть сын России,
сын рек ее, лесов, озер и нив,
что ты прошел сквозь ливни грозовые,
усталой головы не наклонив.
Пускай тебя кружили непогоды,
но счастлив будь безудержно, до слез,
что принял ты в младенческие годы
благословенье северных берез.

Эти строки могли бы стать прекрасным и точным эпиграфом к собранию сочинений Сергея Васильева, и, конечно, прежде всего к поэме «Достоинство». Читая эти строки, думаешь и о счастливо-многотрудной судьбе самого поэта и о прекрасно-трагической судьбе его героя: «Напряженная трудовая жизнь и гордая гибель Дмитрия Михайловича Карбышева являются собой образец величия русского духа, — взволнованно писал Сергей Васильев, — и я буду счастлив, если мне удалось донести до читателя хотя бы часть содеянного им».

Сергей Васильев, несомненно, один из видных эпических поэтов в нашей современной многонациональной литературе. Он, бесспорно, выдающийся мастер исторической поэмы. Наглядно и убедительно об этом свидетельствуют его поэмы «Достоинство» и «Изба над Тоболом», а также «Анна Денисовна», «Граница», «Портрет партизана», «Москва за нами», «Первый в мире», «Красный галстук» и другие.

Остается только сожалеть, что в свое время о Сергее Васильеве куда охотнее и чаще писали как о поэте-песеннике, поэте-сатирике, мастере пародийного жанра. Эпический портрет Сергея Васильева, по существу, критикой при жизни раскрыт не был. А между тем напиши он за всю жизнь только свои поэмы и больше ни строчки, то и тогда Сергей Васильев вошел бы в историю отечественной литературы как яркий, самобытный эпический поэт.

ЗОЛОТАЯ ЧАША МАНСИ

*Я пою для века песни
Возрожденного народа!*

Юван Шесталов

«Когда я смотрю на отца,— размышляет в «Языческой поэме» Юван Шесталов,— голубоглазого, кудрявого, когда люблюсь, как он мастерски перебирает в неводе сосвинскую селедку, когда я слышу легенду о нем, живом, о коммунисте, одном из организаторов первых мансийских колхозов, невольно задумываюсь: *а кто же я такой?* (Выделено мной.— Ю. П.).

Когда околдован я длинными, как зимняя ночь, сказками, когда в древних песнях вдруг кольнут меня слова:

**Мы уйдем, покинем землю,
Чтобы больше не родиться...—**

я задумываюсь: *а кто такие манси?* (Подчеркнуто мной.— Ю. П.).

Еду ли по степям Бурятии, брожу ли по древней новгородской земле, беседую ли на берегах Дуная, на горе Гелерт с каменным Юлианом, я задумываюсь о судьбах народов...»

Я, мой народ, человечество. Каковы внутренние духовные связи этой вечной триады жизни в наше время, наш век? Какова в этом, постоянно меняющемся, сложном, противоречивом современном мире моя миссия?

Я знаю,
что, стоит глаза распахнуть —
ворвется
Вселенная
яростно в грудь.

Что я приемлю в этом мире всей душой? Что отвергаю и ненавижу?
Что все больше тревожит мою совесть, не дает покоя моему сердцу?

Семь седых веков суровых
За ночь мимо проплывает...
Видишь:
Жизнь таяжных манси,
Жизнь охотников таяжных
В плясках огненных встает.

И вновь: вопросы, вопросы, вопросы... Почему так сложилась
судьба моего народа — манси — в прошлом? В чем его радость,
счастье? Что больше всего волнует мой народ сегодня?

Там, где гаснет огонь, где сердца холодны,
Там беззвучно рождается ветер войны...
Не забудьте, земные, о мирном тепле!
Не забудь, человек, о высоких кострах,
Даже если метели высоко в горах,
Даже если тебя не морозят они,—
Пусть не гаснут костров золотые огни!

И опять тревожные раздумья: что ждет людей планеты Земля
в будущем? Сумеют ли они сохранить для потомков красоту, богатство
природы?

Летите, люди, в космос,
Сверлите, люди, Землю.
Смотрите туда,
Куда я заглянуть не могу,
Но берегите
Белые мои озера,
Ибо
Почернеет небо без белых лебедей,
Почернеют ночи без белых лебедей,
Под зеленой травой
Проступит черная пустошь.

Чем больше задумывается поэт-манси над этими сложнейшими
проблемами, неодолимо встающими в наши дни перед каждым

истинным художником, чем пристальнее он вглядывается в даль своей памяти и в даль памяти своего народа, в историю и современную жизнь других народов, тем больше возникает в его сознании, в сердце и душе подобных тревожных, далеко не однозначных вопросов-раздумий.

Есть такое у поэта
Право — помнить о былом!
Даже в полдень коммунизма
Я оплачу горе предков
И спою о беспокойном
Пробуждении моем.

Он и нас, читателей его книг, невольно заставляет почти погамлетовски задуматься над многими проблемами нашего века, острее почувствовать свою личную ответственность за все, что свершается в мире сегодня:

Я — человек.
Захочу — и отныне
Юной красавицей станет пустыня.
Я — человек.
Захочу — и отныне
Станет земля... молчаливой пустыней...
Я — человек.
Перед именем этим
Быть мне пожизненно в строгом ответе!

Что же касается самого Ювана Шесталова, то он не только настойчиво стремится глубоко задуматься в своих стихах и прозе над всем, что происходит в окружающем его мире (хотя одно это уже само по себе примечательно и важно в наш век «бешеных» скоростей и ритмов жизни, когда, к сожалению, часто некоторым из нас бывает некогда и подумать-то по-настоящему), он пытается честно, мужественно, убедительно ответить на поставленные вопросы, показать правдиво в своих книгах нелегкий, тернистый путь познания художником объективной истины.

Это характерно для всего творчества Ювана Шесталова как основоположника литературы манси, и особенно полно проявляется в «Языческой поэме», несомненно, его главной книге.

В свое время мне довелось счастливо, одним из первых познакомиться с рукописью «Языческой поэмы». В начале 1971 года издательство «Современник», куда я был назначен директором, еще только организовывалось. Из большого количества поступающих тогда рукописей надо было отобрать те, которые следовало напечатать

в первую очередь. Читать в ту пору приходилось очень много всем работникам издательства. Хорошо помню тот зимний мартовский вечер, когда в руках у меня впервые оказалась рукопись «Языческой поэмы». После дневных забот я погрузился в рукопись малоизвестного мне автора.

При ее чтении с первых же страниц открывался такой романтически-прекрасный и неповторимый мир, встреча с которым всякий раз воспринимается, как та нечаянная радость, от которой душа светлеет, сердце бьется трепетнее, и ты как-то само собой начинаешь забывать про все: и про твои дневные заботы, и про усталость, и про те большие и малые огорчения и неприятности, которые бывают у каждого из нас.

Картины живой жизни, воссозданные автором «Языческой поэмы», были столь необычны и первозданно, столь эмоционально-возвышенны и образно-метафоричны, столь напряженно-глубоки по мысли, по своим гражданским идеалам, наконец, столь драматичны, а порой и трагичны, что их невозможно было воспринимать спокойно и тем более равнодушно. Надо ли удивляться, что рукопись «Языческой поэмы» я прочитал в тот вечер сразу же от начала до конца, не отрываясь от ее волшебных страниц.

Было такое ощущение, как будто ты испил из родника студеной, ключевой воды. Хотелось, чтобы радость встречи с прекрасным, которую только что ты пережил, смогли бы почувствовать и пережить другие; возникало желание побыстрее рассказать о только что прочитанном друзьям и близким. Глубоко убежден, что тогда, в 1971 году, «Языческая поэма» была по праву напечатана в числе тех первых шести книг «Современника», которые вышли ко дню открытия пятого съезда советских писателей. В 1973 году «Современник» выпустил второе издание «Языческой поэмы». А ранее, весной 1972 года, напечатал новую повесть Ювана Шесталова с удивительно звучным названием «Когда качало меня солнце». По существу, эта повесть — поэма в прозе. Она еще раз подтверждает, что все написанное Юваном Шесталовым до настоящего времени — все это истинная поэзия жизни.

* * *

Постоянны думы Ювана Шесталова об окружающем его мире; он как поэт наделен чувством сопричастности ко всему, что происходит, что свершается и на Земле и в бескрайних просторах Вселенной:

Земля моя кружится — и я кружусь.
Солнце повернется — и я повернусь...

Я ли не сказочный доктор земли?
Слушаю: сердце твое не болит?..

Дедов легенда — торжественный звон
Сказку рождает для новых времен.

Кажется, нет в душе поэта предела жажды познания, жажды открытия красоты земли, новых сказок, которые творит сама жизнь. Зримо ощущаем мы все это в книгах Ювана Шесталова, где воистину сказочной новью предстает перед читателем сегодняшний день нашей Родины — день созидания и героики труда.

«Юрга моя!.. Время богов прошло. Время творцов настало. Кто же твои созидатели? Я хочу их понять». Поэт «просит» свою родную землю, чтобы она открыла ему этих новых героев, подарила ему «свое новое сказанье».

Древняя земля манси запрятала в своих подземных кладовых огонь жизни — нефть и газ. Героическим трудом соотечественников поэта был наконец добыт этот «чудо-огонь». Хорошо запомнил этот великий день в истории своего народа будущий поэт, тогда ученик школы-интерната: «За нашей каменной школой, на краю поселка, там, где вчера железной лестницей в небо стояла буровая, теперь в ночи полыхал огонь. Грозный огонь, которому суждено было встряхнуть край, обновить его». И вот уже звучит в «Языческой поэме» «Песнь земли» в честь ее новых героев, ее созидателей:

Вы ко мне пришли,
Герои,
Как в легенду,
В темный лес.
Есть болото,
Нет дороги,
И на сотни лет —
Объезд.
Я дарю вам
Запах нефти,
Грохот газа,
Древность слов.
Океан тепла и света —
Все для умных
Смельчаков.
Я — мансийская земля!

Древняя мансийская земля, ее прекрасный народ, на долю которого в прошлом выпало так много бед и страданий, особое чувство в наши дни испытывает и проявляет к своему старшему брату — русскому народу:

Когда в немыслимую стужу
Погибла мать моя, когда
Мою мальчишескую душу
Заледенили холода, —
Мне на плечо рука России,
Как материнская, легла.
Россия мне и ум, и силу,
И кровь, и сытный хлеб дала.

Эти строки как откровение, как сыновняя песнь благодарности. Поэт манси сказал то, что может по праву сказать сегодня о России ленинской, России Советской каждый из братских народов нашей социалистической Отчизны.

Самые волнующие, самые светлые страницы своих книг посвящает Юван Шесталов своей большой Родине — России.

Это «русская женщина», юная учительница-комсомолка, приехавшая на север, в тайгу и тундру еще в первые годы Советской власти, открыла маленькому Ювану, так рано потерявшему свою мать, новый «волшебный» мир:

Мне сердечное слово шепнула, как мать,
Повела меня в школу, где учат читать,
Где метлой прогоняют из детских умов
Коротышек-божков и лесных колдунов.

Это «русская женщина» с голубыми, как озера, глазами и светлыми, как лен, волосами одарила его чистой любовью:

Мне снится русая богиня.
Я в сон по сердцу погружен.
И он сбывается. Уж ныне,
Наверное, то вещей сон.

Она зовет меня: «Смелее!»
И приближается ко мне.
Я, словно ветка, пламенею
На обжигающем огне.

Я напрягаюсь, замираю,
В душе моей — и свет и грусть.
И наконец-то я сгораю
И человеком становлюсь.

Эта «русская женщина» стала для него самым надежным другом и товарищем, матерью его детей. Придет время, и он скажет о своей дочке в «Языческой поэме» слова, полные глубочайшего смысла:

И пусть еще такое будет:
Две крови в ней одной живут,
Пускай ее мансийкой люди
И россиянкою зовут!

Это русский народ, великий Ленин вернули маленькому, но древнему народу манси «чашу золотую» — его извечную мечту о счастье, которую в прошлом у него украли «злые духи» старой царской России:

Слезы горя, слезы гнева
Растопили горы снега,
И на крыльях птиц весенних
Прилетало счастье к нам.
Зрело, зрело пробужденье!
И большое имя Л е н и н
Прозвенело над рекою,
Прокатилось по лесам!

Вот почему столь возвышенно-правдивы «думы» о «русском мужике», Медвежьей Голове, олицетворяющей в «Языческой поэме» и совесть, и сердце, и ум народа манси.

Медвежья голова
Сейчас вам скажет слово,
То слово коротко,
Как северное лето.
Его сказать легко —
В нем лжи ни капли нету...
О русском мужике
Мое лесное слово:

— Он мудр, настойчив и силен,
И справедлив он испокон,
И дружбе верен он.
Голодного накормит он.
Холодного согреет он,—
Таков его Закон.

Быть может, для путей морских
Корабль на крыльях колдовских
Построит завтра он.
А послезавтра — на Луну,
Пронзив небес голубизну,
Ворвется, как циклон...

Клубятся в небе облака,
Над миром пролетая.
Большое сердце мужика —
Что чаша золотая!

Читаешь в «Языческой поэме» пронзительные думы Ювана Шесталова о «русском мужике», и невольно встают в памяти классические образы: и семи «временно обязанных» мужиков Некрасова, задумавших во что бы то ни стало допытаться и разузнать, «кому на Руси жить хорошо»; и рязанского мужика — Прона Оглоблина из поэмы Сергея Есенина «Анна Снегина», мечтающего побыстрее устроить в своем селе коммуны; и донского мужика Макара Нагульнова, «заостренного» с головы до пят «на мировую революцию»; и смоленского мужика Василия Теркина, ведущего смертельный бой с фашистскими захватчиками «ради жизни на земле»; и воронежских мужиков из новой мудрой поэмы Егора Исаева «Даль памяти».

* * *

«Языческая поэма» при всей своей метафорической легендарности и сказочности, при постоянном, пристальном внимании поэта к прошлому народа манси, прошлому всей России, к истории человечества вся наполнена пафосом современности. Не однажды высказывает в ней поэт мысль о том, что

Может, эти сны и песни
В глубь веков укажут путь,
Только все же интересней
В будущее заглянуть!..

Все это обогащает самобытнейшую поэтику Ювана Шесталова. Помнится, Лев Толстой, восторгаясь стихами Фета, говорил о «поэтической дерзости» их автора.

Многие, очень многие страницы «Языческой поэмы» Ювана Шесталова покоряют нас прежде всего именно своей «поэтической дерзостью».

Я плыву в крылатой лодке
По волнистым облакам
Сквозь родное, сквозь былое —
К неизведанным векам...

Серебристыми ветвями
Машут реки позади.

И озерными глазами
В небо родина глядит.

В роще старого шамана
Восемь домиков стоит.
Нефевышка талисманом
На груди тайги горит.

Я лечу! Я сын крылатый
Края сказочных лесов.
Будто пуговики халата,
Свет таежных городов...

И железная цепочка —
Новый путь Тюмень — Сургут.
Разошьют и оторочат
Весь халат — мою тайгу.

Я плыву в крылатой лодке
По волнистым облакам.
Сквозь родное, сквозь былое —
К неизведанным годам.

Каждый раз, читая подобные стихи, а их много, очень много в «Языческой поэме», не перестаешь восторгаться самобытным талантом и мастерством ее автора, тому, с какой «легкостью» и вместе с тем «дерзостью» Юван Шесталов образно «стыкует» на первый взгляд, казалось бы, совершенно несовместимые слова и понятия, которые весьма часто встречаются в повседневной разговорной речи и которые в отдельности сами по себе начисто лишены какой-либо поэтической образности.

«Нефевышка», «талисман», «грудь», «тайга» — какие это действительно далекие друг от друга слова! Какие несовместимые понятия! Только в душе истинного поэта могли они «переплавиться» в такие стихотворные строки:

Нефевышка талисманом
На груди тайги горит.

И дело тут, конечно же, не просто в формальном поиске. Романтические образы стихотворения «Я плыву в крылатой лодке...» передают картину тех колоссальных свершений и коренных изменений, которые принесла в тайгу Советская власть, наша сегодняшняя действительность. Все, что поэт видит вокруг себя,— все это происходит в его тайге, на его родной сибирской земле, которая дорога,

близка ему до каждого своего самого дальнего и глухого уголка, до каждого таежного ручейка, до каждой лесной полянки, до каждой затерявшейся в тайге охотничьей избушки.

В сердце матери сердце родилось мое,
В сердце доброй Миснэ сердце родилось ее.
В сердце народа родилось сердце Миснэ лесной,
А сердце народа родилось в сердце земли родной.

Юван Шесталов впервые в истории своего народа смело обратился к богатейшим сокровищам древних мансийских сказаний, легенд, песен. Ему было и легко: до него никто из писателей их не касался, никто не трогал, никто не пытался обрабатывать, вводить в современный стих; но ему было и трудно, ибо надо было вдохнуть в древние легенды «душу живу», сделать так, чтобы в современной поэме они не выглядели наподобие застывших музейных этнографических экспонатов: поэзия не музей, а живая жизнь. Надо было, чтобы эти легенды и песни, не теряя своей древней, седой истории, звучали современно, помогая познанию бытия, познанию нравственных, философских, социальных проблем нашего времени.

Подстерегала Ювана Шесталова как поэта, обратившегося к художественному прошлому своего народа, к духовному его наследию, еще одна реальная опасность, весьма часто дающая о себе знать в творчестве многих стихотворцев. Этакая облегченная «модернизация» старины, возникающая из желания из угоду «моде» во что бы то ни стало «пококетничать» в стихах с прошлым, «приблизить» это прошлое к настоящему, «осовременить» его. При этом практически все сводится к такой нарочито «модерновой», по сути дела, формалистической обработке старинных песен, легенд, преданий, что в «современном» прочтении из них начисто выпадает главное: их богатейшее содержание, их народность и неповторимо самобытное звучание.

Всего этого «модного» соблазна счастливо удается избежать в постоянном и настойчивом обращении к поэтическому, историческому и духовному наследию своего народа Ювану Шесталову. Все его творчество и особенно «Языческая поэма» — пример того, какие богатейшие возможности открывает прошлое перед поэтом, который не ради шумной «моды», а ради сути художественного познания духовной жизни своего народа в прошлом стремится войти в это прошлое и взять из него все наиболее ценное и значительное для настоящего и будущего.

От «песни» к «песне» (их всего восемь глав-песен в «Языческой поэме») становится все очевидней, что главное для Ювана Шесталова — наш день, жизнь его народа сегодня: «Ледяная земля проснулась от вековой спячки. Она разгоряченно дышала, снимая с себя шубу из дремучей тайги, опоясываясь стальными нитями дорог

и трубопроводов. Она гудела под железными копытами нового кочевья. С радостью наряжалась в ожерелья городов, сияя счастливыми глазами новых огней... А герои шли, шли, шли. Шли в пургу, в мороз, в зной... И я был вместе с ними. Я тоже был героем. И мои уши глохли от железного рокота... И я летал на стальных птицах, обгоняя время, не чувствуя движения Земли...»

Даже тогда, когда поэт обращается к прошлому, он чаще всего делает это для того, чтобы извлечь из прошлого урок на будущее. Такова, например, в «Языческой поэме» «Повесть вторая». В ней древняя мансийская легенда о Медвежьей Голове очень органично и впечатляюще повернута в наше время. Все пять дум Медвежьей Головы строятся автором на психологически тонком, ироническом подтексте, что углубляет их содержание, делает по-настоящему современным звучание древней мансийской легенды. В одной из своих дум Медвежья Голова рассказывает о том, как давным-давно «чайка-птица» похитила «золотую чашу манси»:

Это было, было, было!
Знамо, было — только сплыло...

В старину ругали чайку:
Это, мол, она украла
Золотую чашу счастья,
Чайка-птаха, чайка-птица.

Но, оказывается, что и ныне кое-кто хотел бы в иных своих трудностях и недостатках порой винить лишь все ту же «зловредную» птицу... чайку!

Так и этот мутноглазый
Прихлебала-прилипала
Все готов свалить на чайку:
— Ах, воровка!.. Ах, срамница!..

Так всегда и всюду было:
Коль народ в глубоком горе —
Тотчас выдумают сказку:
«Виноваты чайки в море!.. —
И найдут виновниц-чаек,
И ругают люди чаек,
Так пушат их —
В хвост и в крылья,—
Что летят и пух и перья!»

Эти иронические думы поэта манси как бы продолжают и развивают мысли известного стихотворения Леонида Мартынова

«Рыбинское море», написанного им еще в середине 50-х годов. В нем так же все свои просчеты и ошибки люди пытаются объяснить лишь одним обстоятельством: «Виногато Рыбинское море».

Полна глубокой, нескрываемой авторской иронии и заключительная сцена четвертой думы Медвежьей Головы, когда манси, провожая «священного зверя» — медведя — в новый «богатый путь»,

...Заклинают зверя заклятьем.
Ублажают его молитвой.
Величают «Могучим Духом»,
Главою рода стать его просят...
Воспевают его, проклинают его, умоляют и бьют.

Действительно, порой странно ведут себя люди, и трудно иногда бывает даже мне, мудрой Медвежьей Голове, до конца понять и объяснить их поступки. Так думает Медвежья Голова. Так размышляет автор. А вместе с ним и мы — читатели «Языческой поэмы».

Всем нам автор «Языческой поэмы» как бы хочет еще раз сказать откровенно, без тени резонерства и назидательной поучительности: «Дорогие друзья! Не делайте слишком спешных, односторонних и однозначных заключений и выводов о сложных, противоречивых явлениях общественной жизни; будьте терпеливее, мудрее, старайтесь не впадать из одной крайности в другую, не ищите виновных только вокруг себя, проявляйте большую требовательность к себе, не пытайтесь все сваливать на голову других, не выплескивайте сразу на людей «всю хулу» и «всю хвалу», не вините во всех бедах «чайку-птицу».

Следует особо подчеркнуть еще одно весьма важное и принципиальное обстоятельство: автор «Языческой поэмы» далек от упрощенно-идиллического и облегченно-одностороннего взгляда на действительность. Он видит и те огромные успехи в социалистическом обновлении древней мансийской земли и всей его Отчизны; видит колоссальные достижения в строительстве нового, социалистического общества, в формировании коммунистического мировоззрения, новой морали и нравственности советского человека; но он видит вокруг себя и то, что волнует и тревожит его совесть, особенно сильно в родных краях.

Зашагавшие в тайгу буровые вышки, чудо-огонь — нефть и газ обернулись и новой радостью и новой... заботой. «Тайга съежилась. Верхушки кедров стали корявыми скелетами. Брусника почернела. Под седым пеплом грибы склонили голову... Все живое задумалось». Задумался глухарь:

В ушах моих — пепел.
В глазах моих — дым.
Куда же мне деться
От этой беды?

Встревожился осетр:

Ловили все рыбешек слабых
Тут подо льдом.
Но так никто еще не грабил
Хрустальный дом.

Но больше всех обеспокоен и взволнован всем этим в «Языческой поэме» сам автор:

Ну, зачем леса сжигать нам,
Ну, зачем цветы топтать нам,
Из живого человека
Делать чучело к чему?

Конечно, важно беречь живую природу. Но еще важнее — беречь самое дивное творение природы — беречь человека, его душу, его отношение ко всему живому на земле. «Юрга моя! Мчусь я на железном олене. У него и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчусь я на железном олене по дороге железной. Одного хочу: чтобы думы мои не стали железными. Мчусь я на железном олене — не забыть бы мне звон копыт оленя с ветвистыми рогами! Коня не забыть бы мне».

Горька подчас правда автора «Языческой поэмы» об отношении иных его современников к природе, по принципу: после нас — хоть потоп. Постоянна его тревожная дума о сохранении извечного единства человека и природы. Но как бы порой трагично ни складывались отношения человека с природой во второй половине XX века, непоколебима вера поэта манси в разум человека, в то, что он в конце концов сумеет сохранить и приумножить богатства природы. «Земля моя, верю, что всегда в тайге будут стоять твои кедры могучие, не переведутся звери пушистые, не иссякнут реки рыбистые».

«Языческую поэму» венчают стихи о Сибири, звучащие подлинным гимном родине поэта — древнейшей земле манси:

Привет тебе, древнее слово!
Посланец забытых веков.
Ты, словно богатая лодка,
До наших дошла берегов...

«Сибирь» — берега раздвигая,
Рекою от каменных гор
Течет, в языках разветвляясь,
Земной обнимая простор...

«Сибирь» — и зимою, и летом
Сияет народам в веках.
И греет она полпланеты,
А искры — во всех языках.

Мы можем по праву сказать, что Юван Шесталов открыл нам прежде всего в «Языческой поэме» много ярких, незабываемых страниц из истории земли сибирской, особенно его родной Юрги, а главное — показал красоту земли сибирской, преобразенной Советской властью:

Сибирь... Это свет и будущее!
Это сияющая нельма, плывущая на нерест.
Это пестрый рябчик, висящий на сосне.
Буровая вышка с радужным фонтаном нефти.
Горящий факел газа во тьме полярной ночи.
Сибирь... Ты олень железный, мчащийся по дороге
железной.

Ты корабль, улетающий в небо.
Сибирь... Новая моя сказка, которую я расскажу,
когда заря зажжется и на проснувшихся травах
заблестит роса.

Образ земли сибирской в книгах Ювана Шесталова по праву достойно дополняет и обогащает живой, могучий эпический образ Сибири, созданный ранее, в 50—60-х годах, выдающимся поэтом современности Василием Федоровым в его поэмах «Золотая жила», «Проданная Венера», «Седьмое небо» и других. Примечательно, что именно Василий Федоров был одним из тех, кто первым горячо поддержал поэта манси в пору становления его таланта.

* * *

О чем бы ни писал в своих книгах Юван Шесталов, его, поэта маленького народа манси, всегда волнует судьба его большой Родины — Страны Советов. Вместе с тем, как мы чувствовали, он искренне обеспокоен и полон тревожных раздумий и мыслей о судьбах всего мира, всего человечества. Вот что дала ему Советская власть. Духом интернационализма и братской дружбы проникнуто все его творчество. Он за все в ответе:

Бубен мой старый, громко гуди,
Все человечество разбуди,
Совесьть всесветную разбереди!

Тревога, боль людей, рабство людей, захватнические войны, кровавый фашизм — вот чем мир капитала «наградил» человечество, — все это для поэта манси не отвлеченные понятия, а глубоко личные и тревога и боль:

...Плещутся рыжие гривы огня,
Падают бомбы, и все на меня.
Дым над домами тучей клубится.
Боль исказила лица...
...Ночь без пощады.

Мрак без луны —
Страшный психоз войны.

Автор «Языческой поэмы» знает хорошо, что самое страшное зло, которое ныне угрожает нашей планете, ее красоте, ее народам, — это зло атомной войны, в пучину которой хотели бы империалисты — эти «дикари двадцатого столетия» — ввергнуть весь мир. Человечество должно и обязано встать наперекор силам войны, должно и обязано ни на минуту не забывать об угрозе миру:

Люди! Эй, люди!
Откройте глаза!
В яростном мире бушует гроза...

Чтоб струи напалма леса не сожгли,
Чтоб реки светло и прозрачно текли,
Чтоб дети повсюду спокойно росли...
Б д и т е л ь н ы б у д ь т е , л ю д и З е м л и !

В самые трагические дни человечества, когда черная ночь фашизма, казалось, на долгие годы опустилась над Европой, призывно прозвучал над миром страстный, взволнованный голос:

«Люди! Я любил вас. Будьте бдительны!»

То был голос великого антифашиста Юлиуса Фучика. Он прозвучал как предупреждение всем народам на будущее, как вера писателя-гуманиста в людей, в их совесть и разум; прозвучал в ту страшную пору, когда из-за недостаточной бдительности людей земли десятки миллионов их, взрослых и детей, были обречены на гибель в фашистских лагерях смерти.

Более тридцати лет прошло с тех памятных исторических дней, когда советский солдат — освободитель Европы — водрузил над поверженной фашистской Германией Знамя Победы.

Более тридцати лет над древней мансийской землей — колыбелью поэзии Ювана Шесталова, над всей нашей великой, необъятной Советской Отчизной — чистое, светлое, мирное небо.

Пусть всегда это небо будет светлым и чистым, пусть всегда будет мир и духовное единение и братство людей труда, строящих светлое будущее человечества — коммунизм, — вот о чем больше всего мечтает советский народ, возводя новые города, новые заводы, новые школы и дворцы культуры, плотины новых гидростанций, создавая новые стальные магистрали, новые рукотворные моря, осваивая космос и проникая в глубины Вселенной, изучая тайны живой клетки и микромира, утверждая при всем этом новые, социалистические отношения между людьми, формируя нового человека, раскрывая новые дали, новые горизонты прекрасного в нашей социалистической действительности.

Вот о чем так солнечно, вдохновенно вместе со своим народом мечтает в своих книгах замечательный советский поэт-гуманист Юван Шесталов, отдающий всего себя, чудесный свой талант, весь пламень своей души и сердца любимой матери-Родине:

Шли века,
И я вставал опять.
Не из чрева горестных могил —
Новая меня рождала мать.
Беды ей и счастье я дарил...
И настал, настал великий век.
И сегодня снова я пою.
С солнцем в сердце,
С солнцем в голове
Манси песню слушают мою...
Я не птица — не скрываюсь
Ни от стужи, ни от зноя.
Я не солнце — я и ночью
Должен свет нести всем людям!
Пусть глаза мои пылают
Жарче северного солнца!
Эти песни легче птицы
И быстрее копыт оленьих
Пусть несутся! Эти песни
Возрожденного народа!

«Языческая поэма» — это не только лучшая книга Ювана Шесталова, которая воспринимается как подлинно эпическая вещь, а еще точнее, как эпос народа манси: «Языческая поэма» — это одно из выдающихся произведений нашей современной многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм, книга богатейшей

художественной индивидуальности и новаторской смелости, значительно расширяющая и обогащающая наше представление о жанровых границах и стилистическом своеобразии поэмы социалистического реализма, произведение в высшей степени народное и партийное.

ОТ «ПОЛУБОГА» К ЧЕЛОВЕКУ

Многие узлы нашей морально-нравственной жизни, которые мы распутываем, были завязаны в далеком-далеком прошлом.

Василий Федоров

В этой дерзкой, мудрой поэме нет ни одной фальшивой ноты, ни одной случайной, проходной строфы-октавы. Каждая из семи ее иронических песен-глав — музыка правды, музыка жизни, музыка истинной поэзии; в каждой как результат дерзкого полета творческой фантазии автора на стыке двух миров — поэзии и жизни — разворачиваются, казалось бы, с точки зрения «здорового» смысла самые невероятные события, возникают самые неожиданные сюжетные ходы и конфликтные ситуации.

Пройдя через века
По многим странам,
Стихам,
Поэмам,
Драмам и романам,
Пройдя легенд мифический туман,
Познав мужей ревнивых гнев и ропот,
Душой устав и накопивши опыт,
В наш новый век женился Дон-Жуан.

Казалось бы, еще задолго до Василия Федорова судьба Дон-Жуана в мировой и отечественной литературе сложилась и утвердилась окончательно, особенно после того, как его запечатлели в своих произведениях такие великие провидцы человеческой души, как Байрон и Пушкин. Однако истина в жизни, равно как и в литературе, безгранична. Мы приближаемся со временем ко все более глубокому ее познанию, открывая все новые и новые ее горизонты. Так и с Дон-Жуаном. В новой поэме Василия Федорова он не только женится (!!!), но и все больше осознает, что истинное счастье и радость жизни,

истинная любовь — все это обретается человеком по-настоящему только в лоне семейного очага.

Подлинная поэзия — всегда чудо. Ее неотвратимое воздействие на нас, наши сердца и души порой трудно, а то и просто невозможно объяснить аналитически-рассудочно. Василий Федоров вновь убеждает нас в этом своей новой поэмой. В самом деле: он весьма «легко» и «свободно» извлек из глубин истории человеческого духа образ героя-«полубога» Дон-Жуана и, словно бы шутя, ни на секунду не оставляя своего иронического, с прищуром взгляда, вписал его стремительно в наше время, да так органично и естественно, как будто Дон-Жуан всегда был нашим современником, а не литературным героем прошлых далеких эпох.

Такой временной, фантастически-необычный сдвиг весьма характерен для Василия Федорова, его поэтики. Во многих своих стихах и поэмах он на редкость естественно и впечатляюще «стыкует» события, образы, заключающие в себе суть нравственных, духовных поисков человечества в прошлые исторические времена, с поступками, поведением, духовной жизнью его современных героев.

Вспомним хотя бы одну из лучших «ударных» поэм Василия Федорова «Проданную Венеру», написанную еще в 1956 году. В дни Отечественной войны в мартеновский цех одного из уральских заводов пришла Венера. Живая! Она шагнула сюда с картины Тициана. Ей хотелось лично увидеть, как «работают» на Победу над врагом оборудование, машины, полученные за нее «из-за океана» в начале тридцатых годов. Когда рождался этот завод. Фантастика?! Нет! Романтика поэзии жизни, наполняющая высоким патриотическим чувством строки, уже давно ставшие крылатыми:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Взгляд на настоящее, морально-нравственные и иные проблемы своего века, не только с позиции будущего, но и сквозь призму исторического прошлого позволяют Василию Федорову в своих поэмах распутывать и развязывать такие запутанные в веках узлы судьбы человеческой, что просто уму непостижимо. Блистательный тому пример — новая его поэма. Все время как бы из прошлого врывается в нашу сегодняшнюю действительность федоровский Жуан. Со всеми своими ранее приобретенными чертами характера, своим, жуановским, «кредо» любви и жизни. Но все время настоящее, мир людей, окружающих его сегодня, «выправляет» и корректирует линию поведения федоровского героя:

И вновь шагал в своих былых веках
С презрительной улыбкой на губах
И молодым высокомерьем гранда,
Но я его вернул к своей эпохе:
— Где женщины плохи,
Мужчины плохи.

Фигура Дон-Жуана все время на первом плане. Все, что происходит в поэме, все так или иначе связано с его судьбой, с его отношением к тем или иным событиям, его взглядами на жизнь, его линией общественного поведения. Поставив своего героя в эпицентр всех драматических событий, которые разворачиваются в поэме, автор достигает ненавязчиво главного: всестороннего показа в действии характера своего героя.

Воссоединение в едином образе, подобно федоровскому Дон-Жуану, настоящего с его прошлым и будущим позволяет рельефнее представить предысторию героя, социальные, нравственные истоки его поступков, линию поведения; придает в настоящем такому образу объемность мысли и чувства, соединяя, сопрягая при этом незримо мир его земных чувств, страстей, забот с романтикой мира «седьмого неба».

Такой взгляд поэта на мир ведет его к высшей правде человеческого духа. Он позволяет ему с наибольшей полнотой раскрыть сложные и противоречивые коллизии жизни, с которыми человек постоянно сталкивается в окружающей его действительности.

* * *

Истинный поэт всегда философ. Его поэтический мир всегда включает вечные вопросы человеческого бытия, народной жизни.

Критика не однажды отмечала философскую направленность творчества Василия Федорова, диалектическую подвижность и проницательность мысли, заключенной в афористической образной плоти его стиха.

Новая поэма Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана» — произведение глубоко философское от первой до последней строки. Что есть истинная любовь, истинное счастье, истинная свобода? Что есть истинная справедливость? Почему вокруг все еще так много пошлости, мещанской сытости, бездуховности и куда меньше доброты, отзывчивости, душевного тепла? В чем главная радость жизни, ее сокровенный смысл? Что делает человека бессмертным?

Автор не только ставит и затрагивает в новой поэме эти вечные вопросы, но, что особенно поучительно, стремится активно ответить на них мудрым языком поэзии, реальной судьбой своих героев. Одни из них рождены нашей действительностью, другие, подобно Дон-Жуану,

шагнули в наш день из дальних литературно-исторических далей, успев ко времени новой встречи с нами, на страницах федоровской поэмы, многое пережить и повидать.

Прожив века, он знал,
Как изменялся жизни идеал...
Как занимали троны торгаши,
Как падала во всем цена души.

В поэме перед нами предстает «правоприемник прежних донжуанов, но с новой биографией души». Любовь, верность, семья теперь для Дон-Жуана «превыше многих благ». Увидеть, почувствовать «творца в себе» — вот что отныне все очевидней становится главным в жизни Дон-Жуана. Вот почему теперь он столь иронично размышляет над своим прошлым, которое долгие-долгие годы казалось ему незыблемо-вечным.

Бессмертную славу
Меняю охотно
И сердце вручаю
Лишь смертной судьбе.
На что мне бессмертье,
Бессмертье бесплодно,
Пока не увижу
Творца и в себе.

Женитьба Жуана — это скорее форма поведения героя Василия Федорова. Суть же всего происходящего в поэме для автора в более глубинном содержании этого вечного образа: пути Дон-Жуана к Человеку. Именно на это обращает наше внимание Василий Федоров и в кратком авторском слове, предпосланном поэме: «Сохраняя преемственность прежних Дон-Жуанов с их романтическим ореолом, мой Жуан в жажде семейного счастья, как одного из главных смыслов жизни, проходит путь от героя и полубога к человеку». Василий Федоров как бы конкретизирует и развивает здесь свои мысли, которые он неоднократно высказывал ранее: «В любом искусстве все начинается с человека и кончается человеком. Человек меняется. И для меня новатор тот, кто наиболее точно и полно изобразит его душевный мир».

Сражение поэтическим словом за Человека, красоту его души, светлый ум, сердечную доброту — это для Василия Федорова «вопрос вопросов». Вспомним одно из его ранних «программных» стихотворений — «Другу», в котором поэт как главную истину, добытую им в тревожных, порой трагических раздумьях о судьбе человеческой, утверждал самозабвенно:

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевая
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

О беспощадной нравственной требовательности не только к своим героям, но и к себе на пути к Человеку скажет поэт позднее с предельной откровенностью в стихотворении «Рабская кровь»: «Год за годом, воюя с врагами, я в себе добиваю раба».

Суров, тернист, многотруден путь духовного становления человека. Вместе с тем, подчеркивает поэт в своем мудром стихотворении «В деревне», он прекрасен и неодолим, как сама жизнь, ибо:

Из борьбы,
Из суеты вечной,
Весь в крови, в поту,
Едва дыша,
Человек выходит человеческой,
И душевнее его душа.

Все это довелось, по-своему, глубоко пережить и испытать на пути к Человеку и федоровскому Дон-Жуану, прежде чем окончательно сложилась в поэме «Новая биография его души».

В одной из своих «глав-песен» Василий Федоров обращает внимание на очень важное обстоятельство, которое, казалось бы, объективно должно всегда сопутствовать выяснению истины, но, к сожалению, не всегда и не всеми принимается в расчет:

У жизни есть два плана:
Есть первичный
И есть вторичный,
План метафоричный.
Для всех законны оба, но когда
Два этих плана где-то совпадают,
Второй, высокий, сразу отпадают,
Лишь первый остается для суда.

Заметим, что далеко не всегда, руководствуясь только одним первичным планом в жизни, включая и судебные дела, принимаются наиболее справедливые и точные решения, что довелось испытать на себе и федоровскому Дон-Жуану, который, «защищая честь своей семьи, не избежал... роковой скамьи». Тем, кто его обвиняет, кажется, что они во всем правы, суждения их, особенно прокурора, безапелляционно-категоричны:

В виду имея
Лишь реальный план,
Сказал он, как опасен хулиган,
Какое зло приносит честным людям,
А обществу и нравственный урон.
— История души?.. Нет, мы закон
Проклятым прошлым ослаблять не будем...

Связав проступок
С донжуанским списком,
Назвал он ревность
Чувством подло-низким.

В отличии от прокурора поэт стремится за конкретными фактами «реального плана» увидеть их первопричину, выявить «план метафоричный», обратить внимание на то, едва ли не самое существенное, без чего невозможно вынести справедливый приговор:

— Уважаемые судьи...
Здесь в незавидной роли хулиганов
Правопреемник прежних донжуанов,
Но с новой биографией души.
Историю, когда она подвижна,
Судить не надо
Запоздало книжно.

Мы к новому
С поспешностью возможной
Всегда подоспеваем с меркой прошлой,
Когда у жизни меры новой спрос.

Так все более определяется и выкристаллизовывается в поэме ее заглавный план — метафоричный; подобно могучему подводному морскому течению, он в конце концов и определяет тот, по существу энциклопедически-глобальный нравственный, социальный климат новой поэмы Василия Федорова; от судьбы Дон-Жуана автор смело и настойчиво идет к художественно-философскому осмыслению ряда коренных морально-нравственных проблем современности. Вместе с тем, имея в виду обратную связь, он ни на минуту не оставляет без «присмотра» героя поэмы и без какой-либо снисходительности, по «неписаным законам» народной морали ведет он речь о «проступках» Дон-Жуана в былые времена и «вине» его в наши дни:

Был Дон-Жуан
В далекие года
Вполне достоин нашего суда,

Но не теперь, когда любовь и верность
Он оценил превыше многих благ.
Так что же вскинуло его кулак,
Неужто только ревность?
Нет, не ревность,
Не пьяный выпад,
Не слепая месть,
А подлостью поруганная честь!

Так вновь от «частной» судьбы героя, от «первичного» плана жизни Василий Федоров как поэт и гражданин приковывает наше внимание к проблемам, которые самым непосредственным образом касаются крупно всех и каждого поименно:

Да, есть закон,
Но есть у миллионов
Авторитет неписаных законов,
Которые нас испокон пасут.
Приспело, чтобы с уголовным вместе
Существовал забытый кодекс чести,
Точней бы стал товарищеский суд.
— Дворянские замашечки!.. У нас-то?!
— А чем мы хуже всякого дворянства!

Автор поэмы убежден, что не его герой, а Вадим Гордеев, эгоист, живущий по «принципу» «Все для меня!», подло обманувший, обесчестивший перед мужем и близкими жену Жуана — Наташу Кузьмину, должен в первую очередь отвечать перед судом за свой аморальный поступок и быть строго наказан. При этом опять за личным семейным конфликтом, за «жестоким» столкновением индивидуальных судеб своих героев — Жуана и Вадима — поэт мудро видит другое, глубинное: своеобразное столкновение «истинного с пошлым... будущего с незавидным прошлым». Тем прошлым, к которому когда-то был самым непосредственным образом причастен Дон-Жуан и которое напомнило ему о себе вдруг так сурово и горько:

— Твоя беда
Была неотвратима,
Да, да ведь сам ты породил Вадима,
Собравшего в себе твое хламье.
О, донжуанство без душевных граций —
Подлейшее из поздних генераций,
Оно теперь возмездие твое!

Как гордый человек,
С открытым взором
Испытывай теперь
Себя позором!

Да! Как бы говорит нам поэт многовековой историей жизни своего героя, его тернистым, многотрудным путем к подлинно народной морали и человечности: за все содеянное в жизни — и хорошее и плохое — рано или поздно приходится держать ответ перед судом своей совести.

И еще: в поэзии, как в жизни. Тот, кто различает только «первый план», способен в лучшем случае лишь проиллюстрировать жизнь в риторических, шумных, пустотелых стихах. Тот же, кто, кроме «первичного», остро чувствует «план метафоричный», способен художественно познать и выразить словом все человеческое в Человеке.

В «Женитьбе Дон-Жуана» оба эти плана слитно-нераздельны. Реальная в своих, казалось бы, самых частных деталях быта, заводской жизни Жуана, его любви к Наташе, поэма Василия Федорова в самом высшем смысле этого слова метафорична и романтична. Все это рождает тот раскованный, полетный, живой стиль всей поэмы, который поначалу может кое-кому показаться шутивно-безобидным и даже «облегченным» и который на самом деле, как и вся поэзия Василия Федорова, глубоко драматичен, мудр по мысли, афористичен. Он свидетельствует о высоком мастерстве Василия Федорова как выдающегося поэта, его гражданской зрелости и чувстве высочайшей ответственности перед своим народом.

* * *

Для Василия Федорова характерна предельная озабоченность и постоянная тревога за судьбы своих героев, с которыми всегда зримо и незримо связана и его судьба — судьба автора, породившего их для мира силой своего художественного воображения и таланта. Мы, читатели, естественно, чувствуем это «пристрастное» отношение автора к своим героям, будь то его поэма «Золотая жила» или «Марьевская летопись», «Белая Роща» или «Бетховен», «Проданная Венера» или «Седьмое небо». Оно счастливо передается нам: мы начинаем относиться к ним, как к родным и близким людям, все сильнее эмоционально проникаясь личной тревогой и радостью, личной ответственностью за все их дела и поступки. В поэме «Женитьба Дон-Жуана» чувство кровной связи и высочайшей гражданской озабоченности поэта судьбами своих героев, достойным поведением их в самые драматические моменты их земного бытия,

проявляется с наивысшей эмоциональной напряженностью и художественной силой. При этом автор наделяет каждого из героев поэмы чертами яркой индивидуальности. Временами поэтический дар его в этом плане кажется безграничным.

Нет, говорят, людей незаменимых,
Зато и повторимых судеб нет.
Все судьбы человеческие тоже,
Как отпечатки пальцев, не похожи.

* * *

Есть в поэме еще один герой — мудрый, человеческий. Он приходит на помощь другим героям и персонажам в самые драматически-взрывчатые ситуации, в которых они довольно часто оказываются. Герой этот — многовековой опыт народной жизни. Носителем такого бесценного духовного, нравственного опыта в поэме является замечательная русская женщина Марфа Тимофеевна Кузьмина. Именно она оберегает «Кузьмину-младшую», свою дочь, в самые трагические, горькие минуты ее семейной жизни от непоправимых ошибок и поступков:

— Дите под сердцем
Что тебе — лягушка,
В бездожде заскочившая в кадушку,
Чтоб захотеть и выплеснуть ее?
Не-е-т! — Тимофеевна злее упрекнула, —
Ты самого Жуана копытнула,
Так сбереги же хоть его дите!
Когда себя еще сильнее замутишь,
Как людям-то в глаза
Смотреть ты будешь?

— Но, мама!..
— Мама — уже двадцать зим!
— Да, никакого выхода мне с ним!
— Не трожь!.. —
Тут мать заговорила, даже
Не замечая каламбурных нот:
— Нет выхода?.. Дитя само найдет,
Да и тебе еще потом подскажет! —

В образной речи «Кузьминой-старшей» особенно ярко проявляется народность языка поэмы.

Язык народа всегда точен, немногословен, емок: всегда афористически уплотнен и эмоционален, всегда несет в себе заряд доброго юмора, тонкой иронии, иносказательной притчи, остроумной присказки, веселого каламбура. В народном языке, в его постоянном движении и обновлении запечатлена как бы сама история, а вместе с тем в нем отражается наше время, наш быт, те зримые его черты и реалии, без которых, по существу, невозможно воссоздать в слове живые картины народной жизни.

С истинным наслаждением погружаемся мы в стихию народного языка поэмы «Женитьба Дон-Жуана». Язык этот богатый по мысли, по чувству светел и прекрасен. Он иронически мудр и озорно задирист, естественно прост и выразителен, многозвучен. Нет в языке поэмы ничего нарочито заданного, придуманного автором ради голого «новаторства», с чем, как это ни досадно и огорчительно, приходится сталкиваться в стихах иных «модных» современных стихотворцев.

В «Женитьбе Дон-Жуана» Василий Федоров поднимается к вершинам народного русского языка.

Любовь земная... Любовь человеческая... Высокая, бессмертная тема. В веках каждый из истинных поэтов по-своему неповторимо пытался выразить, передать в стихах это чувство — чувство души и сердца. В Млечном Пути поэзии немало звездных вершин любовной лирики: Саади и Омара Хаяма, Данте и Петрарка, Байрон и Гёте, Мицкевич и Петефи. А наш Пушкин!!! Другие великие поэты России: Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок, Маяковский, Есенин, Твардовский...

Василий Федоров верен этой святой традиции. Он новаторски смело преумножает, обогащает ее в своем творчестве, ибо убежден, что «по тому, как людям любиться, здоровье мира узнают».

В наш век основательно поблекло, потускнело и в жизни и в поэзии чувство радости удивления и преклонения перед женской красотой, чувство трепетной любви и страсти. Буржуазный Запад с его «преуспевающей» индустрией порнографии и секса наложил свои отпечатки на сферу личных, семейных отношений, огрубил, опошлил интимный мир человека, породил цинично-торгашеский взгляд на «святая святых» — любовь, женскую красоту.

Пожалуй, никогда, нигде еще и ни в чем не проявлялась так воинственно и нагло буржуазная аморальность и безнравственность в отношении к женщине, нигилистическом взгляде на брак, семью, любовь, как в XX веке. И порой, как это ни прискорбно, она достигает желаемого результата, и... не только на Западе. Что поделаешь: не

одни великие гуманистические идеи и возвышенные чувства «путешествуют без виз», но и воинствующие микробы буржуазного антагонизма, мещанской пошлости и сытости, к сожалению, также не требуют «ни визы, ни прописки».

Сегодня все очевидней более глубокое проникновение наших писателей во внутренний мир своих героев, показ их судьбы, полной сложных, разнохарактерных противоречий и исканий. И все же резервы здесь огромны, в поэзии особенно. Авторы многих современных поэмы и стихов все еще часто лишь скользят по касательной сложных, противоречивых моральных, нравственных сторон жизни своих героев, повторяя при этом сюжетно, композиционно, стилистически один другого. Тревожит, разочаровывает, огорчает и то, что довольно часто поэмы и стихи, затрагивающие морально-нравственные проблемы, отвлеченно-абстрактны, бескрылы, эмпиричны. Авторам их оказывается не под силу подняться над суетной однодневностью к высотам человеческого духа.

Тем радостней всегда была и будет встреча с произведениями новаторскими, каждое из которых неповторимо прекрасно и бессмертно, в каждом из которых автором «схвачены» глубинные нравственные порывы человеческой души, ее великие взлеты и падения. Таковы в прошлом, XIX веке бессмертные творения гения Пушкина — «Евгений Онегин» и «Медный всадник», таковы опаляющие душу лермонтовские «Демон» и некрасовские «Русские женщины»; таковы в нашем, XX веке стихи о любви Блока, «Облако в штанах» и «Про это» Маяковского, «Анна Снегина» и «Черный человек» Есенина, таковы в наши дни «Дом у дороги» Твардовского, «Россия» Прокофьева, «Строгая любовь» Смелякова, «Суд памяти» Исаева...

Новая поэма Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана» в еще большей степени, чем предшествующие, широко известные его поэмы «Золотая жила», «Проданная Венера», «Седьмое небо», продолжает, развивает, обогащает эту святейшую и благороднейшую традицию русской поэзии.

* * *

Неожиданность, непохожесть на все то, что было создано ранее другими поэтами и самим Василием Федоровым в жанре эпической поэмы; отсутствие хотя бы пусть весьма отдаленных аналогов в современной поэзии; объемность, масштабность по охвату явлений жизни, постановке нравственно-философских проблем, густоте написанного, когда почти каждая строфа — самостоятельный эпизод, самостоятельная мысль, предельно сконцентрированная в образной плоти стиха, — все это позволяет говорить о «Женитьбе Дон-Жуана»

как об одном из значительнейших явлений и радостных достижений всей нашей многонациональной советской поэзии.

Новая поэма Василия Федорова еще раз убеждает в той непреложной объективной истине, сколь новаторски благотворен метод социалистического реализма для истинного художника; какой богатейший простор и действительную свободу творчества представляет он для полета его мысли, фантазии; для раскрытия в неповторимых поэтических образах одинаково, в равной степени как многогранной общественной деятельности человека, так и самых интимнейших моментов его духовной жизни.

ВЕРШИНА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

(Вместо эпилога)

«Россия гибнет», «России больше нет», «Вечная память России», — слышу я вокруг себя.

Но передо мной Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой.

Россия — буря. Демократия проходит, «опоясанная бурей...»

России суждено пережить муки, унижения, разделения; она выйдет из этих унижений новой и — по-новому великой...

Дело художника, ОБЯЗАННОСТЬ художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». ...Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию...»

Это писал в 1918 году Александр Блок — достойный сын России, для которого уже давно судьба его Родины, народа стали его судьбой, сутью всей его жизни и творчества.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Сколько надо было пережить, перестрадать художнику вместе со своим народом, чтобы в его сердце родились наполненные великой болью и великой любовью к России такие строки:

Черта за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг,—

В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни.
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней,—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Всего двенадцать строк в стихотворении «Коршун». Блок написал его в 1916 году. Но оно стоит иных поэм.

То, что Россия находилась в преддверии социальных потрясений, Блок чувствовал все очевиднее, связывая это прежде всего с пробуждением творческой энергии всего народа. Еще в 1915 году Александр Блок с гениальной прозорливостью поэта и мыслителя записывает в своем дневнике:

«...Будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств». И далее подчеркивает: «...Россия явно требует уже не чиновников, а граждан; ...а какое великое *ВОЗРОЖДЕНИЕ*, т. е. *СДВИГ ВСЕХ СИЛ*, нам предстоит и до какой степени техника и художественное творчество немислимы друг без друга..., мы скоро увидим, ибо если мы только выправимся после этого потока, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху *ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ*...» Да! Истинный поэт всегда опережает свое время; мысль его всегда с заглядом в будущее!

По мере развертывания событий после февраля 1917 года Блок все отчетливее начинает осознавать, какая реальная сила способна прекратить войну, дать народу мир и вывести Россию на путь «великой демократии». Осенью 1917 года, когда одна декадентская поэтесса (позднее в эмиграции злобно клеветавшая на Советскую Россию) спросила Блока с издевкой: «Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?» — он ответил: «Да, если хотите, я скорее с большевиками. Они требуют мира». Этот разговор происходил 15 октября. А через четыре дня — 19 октября — Блок записывает в своем дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Через несколько месяцев, едва ли не в самые напряженно-драматические дни молодой Советской республики, Блок вновь в своем дневнике говорит о Ленине.

23 ФЕВРАЛЯ 1918. «Ц. К. большевиков — за мир Ленин: «Я устал от революционных фраз». Ц. К. левых с.-р. — большинство 6 против 4 — против мира»...

25 ФЕВРАЛЯ 1918. «Рабочих сзывал ночью Ленин. Немцы взяли Псков и в 8-ми часах от Петербурга. Мира, повидимому, не принимают».

31 АВГУСТА 1918. Тревожная лаконичная запись Блока: «Ленин ранен».

1 СЕНТЯБРЯ 1918. «Ленину лучше».

Читая дневниковые записи Блока о Ленине, вспоминаешь вдохновенные слова, сказанные тогда же, в 1918 году, о Ленине Алексеем Максимовичем Горьким: «Факел русской революции, освещающий весь мир, крепко держит Владимир Ленин».

И еще: вспоминаются крылатые строки Владимира Маяковского: «Я в Ленине мира веру славу и веру мою» и такие же пронзительно-исповедальные строки Сергея Есенина: «Я счастлив тем, что сумрачной порою одними чувствами я с ним дышал и жил».

В жизни и наследии каждого великого художника есть такие взлеты духа, такие гениальные «прозрения» будущего, такие нравственные, этические высоты, такие неповторимо-дерзкие произведения — вершины его гражданской и творческой зрелости, — которые неодолимо притягивают к себе наши сердца и души. В таких вершинных произведениях перед нами зримо раскрывается в наиболее характерных чертах мир художника, его эпоха. В них с наибольшей социально-философской глубиной, бывает, новаторски «схвачены» и запечатлены образ времени, те главные исторические события и людские судьбы, которые с особой силой поразили воображение художника, его ум и сердце. Именно в таких вершинных произведениях чаще всего звучит со всевозрастающей силой музыка революционного обновления мира.

Нет! Не случайно всегда предельно строгий в оценке своего таланта Александр Блок завершил 29 января 1918 года поэму «Двенадцать», записывая в дневнике: «Сегодня я — гений».

«Двенадцать» — первая октябрьская поэма в советской литературе. Уже один этот факт делает ее историческим произведением. Но заслуга Блока не только в дерзновенном подвиге художника-первооткрывателя. «...Новое... будет совершенно иным, — говорил Блок в первые месяцы революции. — Не Романовым, не Пестелем, не Пугачевым. Его создаст сам державный народ, единственно способный обеспечить себе действительно светлое будущее». И Блок первым из поэтов старшего поколения услышал несокрушимую поступь поднимающегося на борьбу народа, его державный шаг и показал в «Двенадцати» героев революции, разрушающих старый мир и прокладывающих путь в будущее.

Объективный революционный пафос поэмы «Двенадцать» для нас сегодня, «на расстоянии», особенно ясен и очевиден при всем своеобразном блоковском восприятии событий Великого Октября. Он, этот пафос, и в искреннемприятии поэтом революции, и в тревожном

волнении за исход схватки восставших с вражескими силами, и в решительном осуждении старого мира, этого, по образному выражению Блока, «безродного пса» истории.

Новый мир в поэме олицетворяют двенадцать красногвардейцев, идущих в глухую вьюжную ночь по улицам Петрограда. Они призваны охранять завоевания Октября. Революционный долг — вот главное, что движет их поступками. Ради торжества народного дела они «ко всему готовы», им «ничего не жаль». Выше этого для них теперь, когда они связали свою судьбу с революцией, нет ничего.

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.
. . . . .

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

В призыве к борющемуся народу оберегать и защищать свет Октябрьской победы, быть бдительным и сурово карать врагов революции с особой силой проявился гуманизм Блока, признание исторической необходимости и справедливости революционного насилия над старым миром. В ответ на «гуманные» сетования защитников буржуазной «свободы и демократии» по поводу «жестокостей» революционного народа Блок говорил: «Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька?» Да, в «Двенадцати» Блок далек от мирной идиллии и, что не менее важно, от абстрактного революционного восторга. Огненное дыхание тех незабываемых дней, суровый реализм и правду революции читатель ощущает в каждом эпизоде, в каждой картине, созданной художником. В облике двенадцати красногвардейцев, в рассказе об их действиях в революционное время нет и тени ложной красоты. Более того, поэт не боится показать, что подчас их героический порыв проявляется еще стихийно, что справедливое революционное насилие порой уживается у этих красногвардейцев с анархическим бунтарством. И вместе с тем мы все время видим, чувствуем, как борьба за свободу закаляет их характеры, как пламя революции очищает их души. В конце поэмы двенадцать красногвардейцев — это те безымянные революционные герои, имя которым легион. В «Двенадцати», своей лебединой песне, Блок поднялся к вершинам русской классической поэзии. Тогда же он создал и другой шедевр — «Скифы».

Художественный ключ, которым Блок столь блистательно открыл тему Октября в поэзии, соединив суровую революционную романтику с реалистическим показом действительности, стал достоянием всей

советской поэзии. Можно без всякой натяжки сказать, что державная поступь рабочего народа в «Двенадцати» гулким эхом отдается и в «Главной улице» Демьяна Бедного, и в «Песне о великом походе», и в «Балладе о двадцати шести» Есенина, и едва ли не всего слышнее она в поэме «Хорошо!» Маяковского, который отмечал, что «творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха...»

Блок до конца жизни остался верен революционному идеалу «Двенадцати», несмотря на травлю и клевету, которую обрушили на него защитники старого мира после выхода поэмы. А когда они начали уверять себя и других, что Блок после опубликования поэмы «раскаялся» в ее написании, то в ответ на их уверения поэт в конце 1920 года заявил: «Двенадцать» — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому, что тогда я жил современностью».

Удивительное единство слова и дела — вот что характерно для Блока как поэта и человека. Вот почему почти одновременно в сердце, душе, уме художника вместе с бессмертной поэмой «Двенадцать» рождается его знаменитая публицистическая статья «Интеллигенция и революция». Еще в 1919 году газета «Правда» подчеркивала, что Блок не только призывал интеллигенцию «слушать революцию», но и сам всем сердцем слушал ее. И плодом этого явилось величайшее достижение его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева — его поэма «Двенадцать».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	3
Лик эпохи	4
Изба над Тоболом	20
Золотая чаша Манси	31
От «полубога» к Человеку	47
Вершина Александра Блока	58

Юрий Львович Прокушев

ВЕЧНЫЙ ЖАНР

Редактор **В. П. Енишерлов.**

Технический редактор **Е. Н. Щукина.**

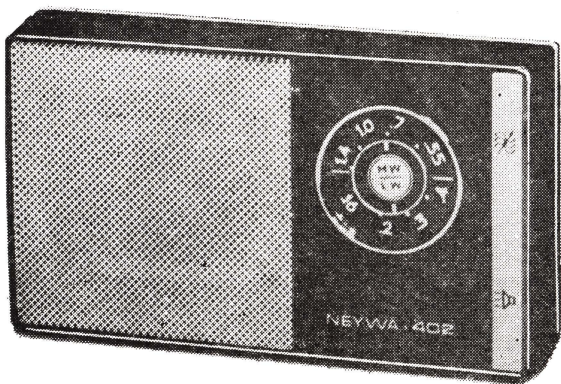
Сдано в набор 05.05.81. Подписано к печати 08.07.81. А 01194. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,71. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1521. Зак. № 662. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва. А-137, ул. «Правды», 24.

На прогулке, в походе, на охоте и рыбалке, в служебной поездке и экспедиции вашим верным спутником будет ТРАНЗИСТОРНЫЙ РАДИОПРИЕМНИК «НЕЙВА-402».

Он имеет надежную конструкцию и хорошие акустические параметры, работает в диапазонах длинных и средних волн. Для удобства пользования в аппарате предусмотрена возможность подключения внешней антенны и головного телефона.

Цена — 34 руб. 55 коп.

ЦКРО «Радиотехника»

